

CALIFORNIA SLAVIC STUDIES XV

Cultural Mythologies of Russian Modernism

From the Golden Age to the Silver Age

Edited by

Boris Gasparov, Robert P. Hughes,
and Irina Paperno

UNIVERSITY OF CALIFORNIA PRESS
Berkeley Los Angeles Oxford

Silver Threads among the Gold: Andrei Belyi's Pushkin

JOHN E. MALMSTAD

On 6 June 1924, the young Soviet state, ever concerned to assert its "legitimacy" by association with the Russian past and selective appropriation of it, capped its all-Union celebrations of the one hundred twenty-fifth anniversary of the birth of "our Pushkin" with a gala evening in Moscow. The capital's political and cultural elite crowded the auditorium of the Bol'shoi Theater to hear a concert followed by speeches by Pavel Sakulin and, no doubt to the surprise of many, Viacheslav Ivanov, who had been summoned from Baku by Lunacharskii himself, the organizing spirit of the evening. The occasion reunited Ivanov, soon to leave Russia forever, with many old friends, but not with Andrei Belyi. No one had invited Ivanov's Symbolist colleague to take part or even to attend, and on 28 May he had left Moscow for the Crimea to spend the summer at the Koktebel' colony of Maks Voloshin.

Twenty-five years earlier, the eighteen-year-old Boris Bugaev had participated, as a representative of the Polivanov Gymnasium, in the Moscow commemoration of the one-hundredth anniversary of Pushkin's birth. On 26 May 1899 (O.S.), he described the event in a letter to his mother, already settled for the summer on their small country property:

Был сегодня на пушкинском празднике; мы с Алексеевым возложили венок от гимназии; наш венок был очень художественен; он выдавался из всех учебных заведений. Депутаты шли процессией от манежа с тремя оркестрами музыки и с попечителем и пом[ощником] попечителя во главе. Вероятно масса венков этой процессии производила сильное впечатление; мы держали наш венок как можно выше, чтобы он был виднее. Когда мы были перед памятником, пошел дождь; нам пришлось около часу дожидаться на дожде великого князя, который был встречен маршем соединенных оркестров; в царской палатке собралась семья Пушкина и власти города. Затем Смирнов сказал очень плохую речь.

Сафонов стал дирижировать оркестрами и хором более тысячи человек; хор этот был составлен из консерватории, филармони-

ческого, фор[нрзб]тического общества; кроме того: от каждой гимназии, от каждой школы взяли в хор по несколько человек. Исполняли кантату Ипполитова-Иванова, а поочередно возлагали венки вместе с депутациями газет и обществ. Потом пел не только хор, но и присутствовавшие на площади и кричали «ура». Потом 2 раза повторили кантату; дирижировал автор; было очень интересно.¹

During the preceding autumn, the "inspired teaching" of Lev Polivanov had enkindled a passion for Pushkin in the "mustachioed young men" of his literature class in the eighth and final form.² The young Bugaev's enthusiasm is reflected in the spirited essay he wrote late in May 1899 as part of his graduation examinations. His handling of the topic "Pochemu tak torzhestvenno predpolagaetsia chestvovat' stoletie so dnia rozhdeniia A. S. Pushkina?" received a four, but his Russian language teacher, L. P. Bel'skii, gave him the highest grade for the essay and changed it to four only when the three other examiners assigned the lower grade.³ He performed well enough on the other portions of his literature and language examinations to receive an overall five.⁴ This and Bel'skii's praise for the essay's "harmonious and free-flowing" exposition and its "well-thought through and exhaustive" content certainly explain the selection of Bugaev to represent his school on 26 May.

Their young student's insistence on Pushkin's *narodnost'* and on his universal and national significance, an obvious legacy of Dostoevskii's famous speech of 1880, which Polivanov had heard and later assigned to his students to read, must have pleased the examiners. Only the prescient among them, however, might have spotted in the text signs of the budding Symbolist who had spent the spring reading Schopenhauer, Ruskin, Ibsen, and Bal'mont and propagandizing for the "new literature" and "idealist" aesthetics among his fellow students:

Произведения Пушкина, полные художественной правды, примиряют нас с действительностью, показывая ее красоту. Чтобы изобразить красоту и художественность действительности, нужно видеть эту красоту; чтобы видеть ее, нужно стоять над жизнью; только тогда сливаются мелкие частности, так или иначе затемняющие от нас вечную правду, и жизнь является для нас просветленною; художественное изображение действительности предполагает творчество, которое есть не что иное, как провидение, как откровение. [. . .] в Пушкине идеальное и реальное совпадают: реальное у него идеально, идеальное реально.⁵

The battles for the "eternal truth" of Symbolism soon left the classroom to be waged by Andrei Belyi in the public arena. To his mind, they never

ended, but only intensified, especially during the 1920s and 1930s, when he felt embattled as rarely before.

The Soviet cultural authorities had no reason to invite Belyi to play any role in the 1924 Pushkin jubilee. Pushkin's works and the myths they engendered figure, both explicitly and implicitly, in many of Belyi's writings, most notably in his early masterpieces *Peterburg* and *Pervoe svidanie*.⁶ Yet, unlike Ivanov, whom both *Pravda* and *Izvestiia* called a "prominent Pushkinist" (*vydaiushchiisia pushkinist*) in their 7 June 1924 issues, he had made no major statement about Pushkin, in sharp distinction to his many pronouncements on Gogol', Dostoevskii, and Tolstoi, or on contemporaries like Blok. His proto-formalist investigations of Pushkin's metrics published in *Simvolizm* and an essay in the 1922 *Poezii slova* ("Pushkin, Tiutchev i Baratynskii v zritel'nom vospriiat'i prirody," 1916) hardly established his credentials as a Pushkinist, nor would they justifiably figure in any account of the major ideological revaluations of the Russian classics carried out by the Symbolists.⁷ To Belyi, however, the failure to invite him seemed part of a pattern of indifference, snubs, and deliberate isolation. He had once, he could remember, been invited, on 18 April 1920, to preside at Academician Semen Vengerov's public lecture in Petrograd on "Pushkin-dekabrist" and serve as the principal "opponent"; now, back in Russia after two years in Germany, all he was asked to do was take part in November 1923 in the discussion after a report on Pushkin by Sergei Solov'ev at the Moscow apartment of Vladimir Nilender.⁸ All this provoked a hopeless sounding note in his Diary of January 1925: "безрадостная жизнь ... ни читать, ни правильно работать ... нельзя."⁹ A few years later he looked back at the years 1923–25 as a return from abroad to his "grave," so sharp had been the contrast between his initial optimistic expectations about the shape of his future relations with the Soviet literary milieu and the bitter disappointments that awaited him in Moscow in October 1923.¹⁰

Loyal old friends and genuine admirers among the new generation, writers like Pil'niak and Pasternak, tried to ease the humiliation of Belyi's hand-to-mouth existence by setting up contacts with publishers and arranging public lectures. Early in February 1925, Mikhail Gershenzon, whom Belyi had first met in 1908 and with whom he had often discussed Pushkin, persuaded him to deliver a lecture for a Pushkin evening at the State Academy of Artistic Sciences (GAKhN). He had little time to prepare, but his ability to muster extraordinary energy had not decreased with the years. Hasty reading and careless note-taking from a great deal of literature about Pushkin, primarily the six-volume Vengerov edition of the collected works with its vast commentary, resulted in numerous mis-citations and biographical and

historical errors in the lecture he read under the title "Pushkin i my" on 11 February at GAKhN. (Its headquarters were in the same building that had once housed the Polivanov Gymnasium, a symmetry that would not have been lost on Belyi, ever mindful of cyclic patterns in his life.) He repeated it in March at the Moscow theater studio "Petrushka" and later that spring in Kiev.¹¹

A year before, in February 1924, a young student, Aleksandra Alekseevna Andreevskaya, had heard Belyi lecture in Kiev, and, much to the annoyance of a group of "Anthroposophical ladies" kept waiting outside, had had two long conversations with him. When her friend "Andrei S." became head of the lecture bureau of the Dom Kommunisticheskogo Prosveshcheniia, they decided to invite Belyi to Kiev again. Belyi's reply to her of 9 April 1925 is worth citing in full as an example of his often rather tortured "business correspondence," none of which has yet been published:

Глубокоуважаемая Александра Алексеевна, Извиняюсь, что отвечаю лишь на второе Ваше письмо; меня до этого времени замыслили всякие дела и срочные обязательства. Товарищу Андрею я уже ответил согласием на приезд в Киев 22го марта, переславши вместе с письмом и программы двух лекций; в этом же письме я уведомляю его, что мог бы приехать от 12го до 25го, разумеется, при условии, что меня точно и заранее известят о днях лекций. Товарищу Андрею я ответил не сразу, потому что недели три мне не было ясно, сумею ли я приехать в Киев (всякие дела), вот почему я медлил ответом. Но на мое известие от 22 марта до сегодняшнего дня, т.е. до 9 апреля ответа не последовало. И вот я еще раз пишу и очень прошу Вас точно и вовремя известить меня о том, приезжать, или не приезжать мне в Киев.

Передайте т. Андрею следующее (в ответ на предложение Дома Коммунистического Просвещения желающего устроить мои лекции): я согласен на предлагаемые условия, т.е. на то, чтобы Дом Просв. организовал мои лекции, предоставив мне 50% сбора и оплатив мне проезд. Что касается до помещения, то оно—у меня в Киеве есть (у меня тети).

Я согласен прочесть лекции на следующие темы: 1) «Пушкин и мы» 2) «Слово, как орган творчества». Программы обеих лекций ниже прилагаю.

Уведомляю Вас, что теперь мог бы читать лекции не позже 8го мая (последняя). Сначала я полагал, что мне возможно приехать к 12 апреля. Но в виду отсутствия ответа на мое письмо вижу, что лекции откладываются. Прошу организовать лекции так, чтобы к 11-12 мая я смог быть в Москве, а также, чтобы ответ на письмо мое, уведомляющее меня о днях лекций, пришло вовремя. Я сейчас в Москве не живу, наезжаю в Москву 2 раза в неделю. И потому-то

могу двинуться в Киев не тотчас же со дня получения письма. Все это надо принять во внимание.

Пишу так подробно обо всем, потому что мне ясно, что письмо мое (заказное) к т. Андрею до него не дошло, иначе бы я теперь уже имел бы ответ. В случае получения ответа на письмо с уведомлением о днях лекций,—выеду; но 11го, например, я вновь уезжаю из Москвы до 15 апреля. Согласитесь, что я не могу в ожидании письма все время сидеть в Москве. Поэтому повторяю,—если хотите организовать мои лекции, то уведомьте меня *заранее*; я должен знать за неделю до дня первой лекции числа лекций, чтобы суметь попасть в Киев. И во-вторых: позднее 8го мая я уже не могу читать лекций.

Я конечно, Александра Алексеевна, помню наши с Вами беседы и был бы рад встретиться с Вами в Киеве и продолжить наше знакомство.

Примите уверение в совершенном почтении

Борис Бугаев (А. Белый)

Адресуйте лучше по следующему адресу: Москва. Плющиха. д. 53. кв. 1. К.Н. Васильевой для Бориса Николаевича Бугаева.

«Пушкин и Мы» (Программа лекции)

Значение пушкинской поэзии. Трудности ее понимания. Пушкин, как первый поэт. Пушкин, как современнейший поэт. Пушкин, как выразитель и завершитель освободительных тенденций конца XVIII столетия. Противоречие, коренящееся в образах поэзии Пушкина. Пушкин, как загадка. Кем же был Пушкин? Поэт и личность в Пушкине. Общественные убеждения Пушкина. Пушкин и декабристы. Пушкин и Николай. Пушкин и русская общественность XIX столетия. Пушкин и наше время.

Андрей Белый

9 апреля 25 года.¹²

She received the letter only at the end of the month, when she returned to Kiev from Leningrad, and replied immediately. On 3 May she was at the station to meet him, as were his cousins on his father's side, E. A. Zhukova and V. A. Verter-Lifshits, with whom he stayed.

He lectured on Pushkin on 4 May:

Вечером—лекция о Пушкине была очень интересна. И хотя Белый перед тем готовился к ней (у кузин сохранились его чертежи, сделанные в тот день), она казалась сплошным вдохновением. Он очень углублял понимание Пушкина, говорил о поэтической традиции и рассматривал творчество слова, как «синтетико-познавательный и сознательный акт», как высшее проявление человеческой психики. Запомнилась к чему-то приведенная им фраза Баратынского: «С безумием граничит разумение... Он в полноте понятия своего...»

Зал наполняли опять самые разнородные слушатели, по различным линиям притягивавшиеся к Белому...¹³

So pleased was Belyi by his success with this and another talk on 7 May that he even shrugged off the theft of his overcoat ("udobnoe, pamiatnoe berlinskoe pal'to") during the first lecture.

Belyi never published the lecture in any form, mindful, perhaps, of the less than enthusiastic response of a more demanding auditor, Gershenzon, who spoke to him the day after the Moscow reading, only a week before his death on 19 February:

Встретил меня, как всегда—молодой и кипучий; [. . .] —«Рад вас видеть»—отрезал он; быстро провел в небольшую столовую, в круг своих близких: знакомая мне атмосфера меня охватила.

Как раз накануне читал я на пушкинском вечере в *«Академии Художественных Наук»* свое сообщение на тему о *Пушкине*. И Михаил Осипович со свойственной лаской стал тотчас же анализировать лекцию, взяв у меня папироску и выпуская дымки изо-рта.

—«Вы позвольте мне, Борис Николаевич, высказать правду о лекции вашей... —сказал он. —У вас—интересные, нужные мысли; но их надо было иначе сказать; вы—сказали; и, все-таки—вы их сказали не так; их бы надо сказать окрыленной; огня в вас не чувствовал я; я ведь знаю, как можете вы говорить иногда; и я ждал—большей смелости; были вчера как-то связаны вы, говорили с трудом, поднимая словами огромную тяжесть; мне было мучительно слушать».

И быстрыми фразами, точно бросками, вошел он в детальный разбор композиции лекции; высказал мне, как всегда, много ценного, что я унес с благодарностью; [. . .]

Мимоходом, броском он зажег меня целым пучком размышлений о Пушкине; и, между прочим, сказал:

—«Хорошо, что Петр вздернул российскую косность для некоего прыжка, но ужасно, что вздыбленное для прыжка—осадил: заморозил над бездной; в окаменении вздыбленного коня—какой ужас: ведь, ужас! И Пушкину ужас был ведом... Ведь, Пушкин сказал о Петре: *«Он ужасен...»*

И, помню—он высказал:

—«Вы были правы, что Пушкин—немой среди поэтов: при всем даре слов; Пушкин—много сказал; но о большем еще он молчал, без надежды сказаться».

[. . .] я поражался огромнейшей чуткостью этой души, понимавшей всю тяжесть узды, мной наложенной на себя самого—накануне: при чтении лекции; *«спецы»* смутили меня; я боялся отдался свободному слову—в присутствии *«пушкиноведов»*.

—«Напрасно...—меня он корил... Вы должны были вовсе забыть о цитатах и данных, чтоб просто отдаться фантазии: мыслей о Пушкине; я ведь нарочно подстроил вам чтение, имея в виду, что вы будете—импровизировать; нужно, чтоб лекция ваша прошла парадоксом; уже парадокс—самый факт: *Белый* скажет о *Пушкине*... Вы ж испугались: и не были—*Белым*... Напрасно...»¹⁴

Andreevskaya's memoir of Belyi's Kiev reading suggests that on subsequent occasions he gave greater rein to the imagination, even though the middle sections of the "Plan lektsii," which is published here for the first time, the major document from which we may judge what he read, abound in citations and factual information. Still, it is hard to imagine that any Soviet journal of the mid-twenties would have wanted or dared to take an article, in any form, based on the lecture, if Belyi's belief in a conspiracy of silence against him can be credited. Eventually editors did commission critical essays from Belyi (as opposed to memoir or travel pieces); but by then the times had changed so much that he would have felt no need to see the lecture into print.¹⁵

To be sure, the lecture contained much that looked conventional: the dismissal of Russian literature before Pushkin, in terms identical with those in the schoolboy essay, a widespread cultural bias of the times; a conception of Pushkin stretching back to Gogol's 1832 "Neskol'ko slov o Pushkine" and most extravagantly expressed in the nineteenth century by Dostoevskii in his 1880 speech, references to which frame the lecture; traces of the rancorous debate raging in Soviet intellectual circles about the meaning of Pushkin. Nonetheless, the core of Belyi's estimation of Pushkin in the lecture is intensely personal and tied to the specific moment. Not a trace of it can be found in his earlier or later statements about the writer. So skillfully did he weave his own "silver threads" among the "gold" of the apotheosis of Pushkin that only his closest friends would have recognized that Belyi was really writing about himself and his own predicament in the mid-twenties. Using the example of Pushkin, he was outlining a brief in defense of his entire career, writing a kind of veiled autobiography. Three years later, in the outspoken (and unpublishable) "confession" "Pochemu ia stal simbolistom," he would return explicitly to this matter in identical language, but without any reference to Pushkin.

From the outset of what Belyi keeps insisting is a private, even idiosyncratic reading, emphasis falls everywhere on the "problematical" in Pushkin, on his obscurity, not his clarity, on the ways he transmuted the contingent and the seemingly arbitrary into a resonant whole whose meaning continues

to elude us. Critics of every ideological persuasion, Belyi argues, have always tried to enlist Pushkin in their own causes and have thereby reduced him. Certainly Belyi has points to make, and at time he masterfully forces citations, especially from *Eugene Onegin*, to draw conclusions that the texts cannot support. But he never strives to pin down Russia's most protean writer, and even insists throughout on his own limitations as a reader. In like spirit, he later warned future commentators on his own art:

[. . .] не прикрепляйте меня вы, прикрепители, объяснители, популяризаторы,—всецело [. . .] самое мое мировоззрение—проблема контрапункта, диалектики зного рода методических оправ в круге целого [. . .]¹⁶

Belyi's treatment of what he might have called the "dance" of Pushkin's thought focuses on just such "counterpoint," or as he prefers in the lecture, "dialectics."

Nothing irritated Belyi more than charges that throughout his career he had betrayed his convictions and adapted himself to changing circumstances. Generations of commentators, he insists in the lecture, had accused Pushkin of the same lack of serious commitment. Some had gone so far as to reject him altogether, as Belyi thought had happened to him in Soviet Russia in the mid-1920s. All had failed, as had his own detractors, to understand that such permutations were but the varying expressions of his "individuum," partial and thus static manifestations of what Belyi identifies as the "personality." (Such notions, as well as Belyi's use of the term "collective" have nothing whatever to do with Marxism, as might have been thought by the naive or by those ready to charge him with "accommodation"; the "initiated" among his listeners would have recognized their grounding in Anthroposophy.) By looking at the parts, he argues, we miss the whole (the "tiger" and "forest" analogy used in the lecture's opening), and, worse yet, fail to grasp that the "individuum," meaning an indivisible complex of many parts (and humanity as a whole is one such "individuum"), can be comprehended only in its dynamic development and *revelation*.

Given the present state of consciousness, Belyi believed, every man, but especially the genius, experiences only incomprehension. As he would write in "Pochemu ia stal simvolistom:

Тема непонятности интересует меня исключительно в социальном разрезе, где не понятно каждое «Я» в его индивидуально-социальном алкании [. . .] почему мы не понимаем друг друга; подсказ всей жизни: мы оттого не понимаем друг друга, что глядели друг на друга не из индивидуума «Я», а из индивидуума, надевшего очки

своей личной вариации и поэтому вынужденной видеть в другом «Я» лишь такую же вариацию. Я этого долго не понимал, т.е. не понимал, до чего это действительно так, до чего в этом истинный корень всех социальных развалов; мы друг друга в разгляде друг друга все еще пришиваем к одежде данного дня, а она—изнашивается. Моя боль есть рассказ о том, как меня пришиваем к одежде.¹⁷

In Pushkin's life Belyi found the perfect material analogue for what in this passage is metaphor only: the *kamer-iunkerskii mundir* forced upon the poet.

The lecture outlines, with justice and compassion for Pushkin's "pain," the multiple pressures that finally left the conflicted and haunted writer—to the mob a "clown" and "madman," two frequent personae in Belyi's own verse—one option only: silence. It presents at the same time a cogent and sustained explanation for Belyi's own behavior («Трудно работать из непонимания в непонимание») and plight in 1925 («В этом МОЛЧАНИИ сказался мне исконно ведомый лейтмотив моей судьбы»), from which, he would write in "Pochemu ia stal simvolistom," he fully emerged only in 1928.¹⁸

Belyi emphasizes that no one work may define Pushkin (or himself), who is uniquely national and universal, nowhere and everywhere. He left no "line," and yet from the "tip" of his art has spread the "cone" (a variant of Belyi's favorite image for dynamic movement: the spiral) of all Russian literature, that "field," in another metaphor, which grew from the sprouting of Pushkin's "seed." Such images of growth abound in works written by Belyi during the last two decades of his life. His fascination with the idea of dynamic growth in the inner and outer worlds of thought and nature underlies his insistence on dynamism and movement if we are ever to understand Pushkin—and the Pushkin who continues as a living force in him («Я—часть нивы, проросшей из Пушкина»). Belyi's art is impelled into the future, and a utopian pathos permeates his lecture, a plea for polyphonic comprehension and dialogue. In it alone, Belyi concludes, lies the promise for the future of a true Golden Age of universal brotherhood that Pushkin most perfectly of all Russians embodied.

Notes

Research for this article was supported in part by a grant from the International Research and Exchanges Board (IREX), with funds provided by the National Endowment for the Humanities and the United States Information Agency. None of these organizations, of course, is responsible for the views expressed.

1. Pis'ma Andreia Belogo Aleksandre Dmitrievne Bugaevoi, 1899–1907gg., TsGALI, fond 53, op. 1, ed. kh. 358. S. D. Voronin has published the same passage (with a number of misreadings) in "Iz pisem Andreia Belogo k materi," *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. 1986* (L., 1987), p. 65. Compare the account in *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, 27 May (8 June) 1899, No. 142: «Москва, 26 мая. Несмотря на неблагоприятную дождливую погоду, несколько испортившую эффектную часть московских Пушкинских празднеств, торжество у памятника поэта представляло зрелище величественное. Вся площадь Страстного монастыря с 9½ ч. утра наполнилась густою толпою. На особой эстраде у начала Тверского бульвара поместились Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, лица свиты и высоко-поставленные лица, на другой эстраде—оркестр и хор, управляемые директором консерватории Сафоновым. Тут же собрались многочисленные депутации: от московского дворянства, ученых и художественных учреждений Москвы, органов печати, театров и учебных заведений. В 11 часу показалась голова процессии учащихся, двигавшейся нескончаемой вереницей от манежа. Раздались звуки оркестра. Обратившись лицом к памятнику, С. Г. Смирнов произнес речь, посвященную памяти Пушкина. [. . .] По окончании речи, хор и оркестры начали исполнение кантаты памяти Пушкина, написанной к юбилею. Под звуки кантаты медленно потянулись к памятнику депутации с венками, лавровыми, из живых и фарфоровых цветов и серебряными. [. . .] всего было до 50 венков. Все основание памятника потонуло в цветах и лаврах. По возложении венков, грянул народный гимн, в исполнении которого участвовала, кроме оркестров и хоров, вся народная масса, покрывавшая площадь. Гимн был исполнен троекратно и каждый раз покрывался раскатами 'ура'. Около половины двенадцатого Их Величества отбыли с места торжества [. . .]». *Moskovskie Vedomosti*, 27 May 1899, No. 144, gives a very complete account of the festivities, including the full text of Smirnov's speech.

2. Andrei Belyi, *Na rubezhe dvukh stoletii* (M.–L., 1931), p. 265.

3. Assya Humesky first published a facsimile of the essay in *Russian Literature Triquarterly*, Number 11, Winter 1975, without any indication of the manuscript's provenance. The signatures of three of Belyi's instructors—L. P. Bel'skii, V. E. Giatsintov, and A. M. Slivitskii—and of I. L. Polivanov, the son of Lev Ivanovich Polivanov and his successor as director of the Polivanov Gymnasium when the father died on 11 February 1899, can be made out clearly at the end of the essay. Belyi mentions all of them

in *Na rubezhe dvukh stoletii*. M. V. Rybin included the essay (part of the Belyi archive at TsGALI) in his article "V Pushkinskie dni 1899 goda. . . (Stranichka iz istorii moskovskoi Polivanovskoi gimnazii)," *Vstrechi s proshlym*, vyp. 3, izdanie vtoroe, ispravlennoe (M., 1980), pp. 65–71. He writes (p. 68): «. . . накануне торжественного празднования 100-летней годовщины со дня рождения великого поэта, на выпускных испытаниях по российской словесности учащимся Поливановской гимназии предложили тему о юбилее Пушкина.»

4. Belyi's *Attestat zrelosti* records the grades he received on final examinations taken between 28 April–29 May 1899: 5 in *Zakon Bozhii*, 5 in Russian language and literature, 5 in Logic, 3 in Latin, 4 in Greek, 4 in Mathematics, 5 in Mathematical Geography, 5 in Physics, 5 in History, 5 in Geography, 5 in French, and 4 in German (*Lichnye dokumenty i biograficheskie materialy*, TsGALI, f. 53, op. 1, ed. kh. 304).

5. *Vstrechi s proshlym*, p. 69. Z. G. Mints does not, of course, mention Belyi's schoolboy essay in her article "U istokov 'simvolistskogo Pushkina'," but his views have much in common with those of Minskii and Merezhkovskii that she discusses. See *Pushkinskie chteniia v Tartu. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii 13–14 noiabria 1987 g.* (Tallin, 1987), pp. 72–76.

6. Klavdiia Nikolaevna Bugaeva traced other Pushkin leitmotifs in her husband's works in a letter to Dmitrii Maksimov of 31 December 1936. She added: «Не будет ошибкой, если скажу: Борис Николаевич был пронизан Пушкиным. Пушкин—был воздух, которым дышал». «Письма К. Бугаевой Д.Е. Максимову». Публикация З.Г. Минц, *Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века»* (Тарту, 1975), с. 13.

7. Belyi himself, in an unpublished autobiography, admitted that his youthful enthusiasm for Pushkin had waned, replaced by a rediscovery of Lermontov (whom he "experienced through the prism of the verse of Fet, Vladimir Solov'ev and Blok") and a revelation of the profoundness of Tiutchev, while "Pushkin eshche mne dalek" ("Material k biografii (intimnyi)," TsGALI, fond 53, op. 2, ed. kh. 3; entry for May 1902). Only in June, 1907, at the country estate Petrovskoe, did Pushkin again "sound" for him: «открывается во всем величии единственность поэзии Пушкина» ("Material k biografii"). Then, as a year later at Dedovo in 1908, it was his oldest friend, Sergei Solov'ev, nephew of the philosopher, and, in Belyi's words, a "pedagogue of genius," who brought about the rediscovery: «. . . и отсюда, с террасы, вели мы беседы о Пушкине, Баратынском, о Тютчеве; как в Петровском одним замечаньем С.М. Соловьев мне при-

поднял завесу над Пушкиным; так и теперь: углублял он растущий во мне пушкинизм; я жалею, я не записывал всех замечаний его о поэзии Батюшкова, Баратынского; не записал он нигде свои мысли; они ж были ценными, мне открывающими мир поэзии нашей; С.М. Соловьеву обязан я вдумчивым отношением к классикам русским. . .» («Начало века», «берлинская редакция» 1922-1923гг., том III, глава 9, ГПБ, ф. 60, No. 13, л. 24). Belyi's pioneering articles on the metrics of Pushkin and other poets of the Golden Age followed these discussions.

8. See items No. 556 and 778 from «Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед [. . .] с 1899 до 1932 года» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96).

9. "Rakkurs dnevnika (1899-1930)," as cited by K. N. Bugaeva in "Letopis' zhizni i tvorchestva A. Belogo," Manuscript Division, Saltykov-Shchedrin Library, Leningrad (fond 60, ed. kh. 107).

10. *Pochemu ia stal simvolistom i pochemu ia ne perestal im byt' vo vsekh fazakh moego ideinogo i khudozhestvennogo razvitiia* (Ann Arbor, 1982), p. 118. Hereafter: *Pochemu ia stal simvolistom*.

11. «1925 год. Читаю лекцию в 'Академии Художеств. Наук' на тему: 'Пушкин и мы'. [. . .] Лекции в Киеве ('Коммунистический Дом Искусства')—на темы: 'Культура слова', 'Поэзия Пушкина'. Лекция в театральной студии 'Петрушка': 'Пушкин'» («Материалы к биографии», ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). See also the following items, under the year 1925, from «Себе на память»: 848) Февраль. «Пушкин и мы». Лекция в Акад. дух. культуры. Москва. 849) Март. «Пушкин и мы». Лекция в студии «Петрушка». Москва. 854) Май 4. «Пушкин и мы». Публичная лекция. Киев.

12. A. A. Andreevskiaia, "Vospominaniia ob Andree Belom (Andrei Belyi v Kieve)," typescript dated 26 July 1934 (TsGALI, f. 53, op. 1, ed. kh. 344).

13. *Ibid.*

14. Andrei Belyi, "M.O. Gershenzon," *Rossia*, 1925/5 (14), pp. 252-53. See also Belyi's account of his 1908 meetings with Gershenzon in *Eropeia*, No. 4, 1923, p. 135.

15. Bugaeva advanced another possible reason for Belyi's failure to publish the lecture: «Но [он] считал, что свое отношение [к Пушкину] выразит лучше всего в конкретных работах, посвященных творчеству Пушкина,—статьи в 'Символизме', в 'Горне', 'О смысле поэзии', 'Ритм как диалектика', 'Мастерство Гоголя' (гл. I) [. . .] Так же много о Пушкине говорил он в своих лекциях и докладах, но говорил всегда в

связи с определенным рабочим заданием». «Письма К. Бугаевой Д.Е. Максимову», сс. 13–14.

16. *Na rubezhe dvukh stoletii*, p. 187.

17. *Pochemu ia stal simvolistom*, pp. 70–71.

18. *Ibid.*, pp. 121, 119.

ПУШКИН: ПЛАН ЛЕКЦИИ¹

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

I.

Как мне говорить о Пушкине? Пигмей на великане. Изъяснить Пушкина значит вскрыть недра самой черты русского народа в ее определении Достоевским: „Быть русским—значит: быть всечеловеком”.² Пушкин—самый ясный поэт; и Пушкин—самый трудно понимаемый; в его *ясности* много неясности; образы его говорят всем; и оттого неспроста лучшие русские люди с 50-х до 90-х годов переживали стадию отрицания Пушкина; не понимали Пушкина; и это *непонимание* лежало внутри пушкинской *ясности*. В ней живет и невнятица, „*Парок бабье лепетанье*”.³ Верно говорит Гершензон: „Иное произведение Пушкина похоже на те загадочные картинки для детей, когда нарисован лес, а под ним напечатано: ‘Где тигр?’ Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядев ее, потом видишь ее уже сразу и дивишься, как другие не видят”.⁴ И далее вскрывает идею „Станционного смотрителя”. Также вскрывает он всем известное стихотворение „Мчатся тучи, выются тучи”. Мы читаем прелестное стихотворение и видим образы „*бесов*”; и—только; на основании знания особенностей пушкинского творчества и биографических причин, вызвавших стихотворение, Гершензон выявляет символику здесь вложенную и первоначально скрытую: „тигра” не видно в образе „леса”; здесь „лес”—картина метели и образы бесов; а „тигр”—идея—символ: жизнь—метель, снежная буря, заметающая дороги и сбивающая его с пути; метель тут *стихия жизни*;⁵ он устанавливает связь этого стихотворения с рассказом „Метель” и с строками „Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе / Грядущего волнуемое море” [III, 178]. В „тигре”, в символическом углублении несколько стихотворений, произведений Пушкина—пересечены друг с другом и с жизнью поэта; в данное время „труд и горе” сулит Пушкину его будущий „брачный путь”: вскрывается где-то в связи с женитьбой трагическая судьба поэта:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин! [III, 176]

„Неведомые равнины”—то, что подстилает такие ясные, такие четкие произведения Пушкина; это то

„Парок бабье лепетанье”,

которое поэт хочет понять:

Я понять тебя хочу,
Темный твой язык учу.⁶

Этим языком является глубокий художественный смысл, единящий раздельные образы пушкинского творчества в целое. Образы эти образуют многогранник; в каждой грани или в *лесе* отражается смысл или „тигр”.

Современность поняла красоту пушкинских раздельных образов; и запуталась в смысле всего пушкинского творчества; запутавшись, отвергла Пушкина; расстояние русского самосознания увидевшего „лес” (ясные образы Пушкина) а не увидевшего „тигра”, т.е. смысл, равно истории роста самосознания русской мысли; дорога от „леса” к „тигру” есть дорога от Белинского через Писарева, Чернышевского, Достоевского, к нашему времени;⁷ лишь теперь мы все сошлись, что кроме „ясных” образов Пушкина есть еще „тигр”, смысл, углубляющий образы Пушкина безмерно; мы еще ищем „Тигра”; мы знаем: он—*есть*; но прочесть его еще не дано нам.

От Пушкина „ясного” через Пушкина „темного” мы идем к Пушкину *мудрому, углубленному, всенародному*: и этот-то Пушкин—все еще лежит где-то в будущем.

Сказать внятно о Пушкине по Достоевскому значит сказать внятно о гении русского народа, определить всемирно-историческую судьбу; и лишь подглядывая эту судьбу Достоевский указывает: „Назначение русского народа—внести гармонию в европейские противоречия, примирить их и связать в конкретном деле *братства народов*”.⁸ „Тигр” Пушкина оказывается имеет касание к грандиозному вселенскому делу. Но тут многие воскликнут: „Как же так? Где все это у Пушкина? Что вы нам рассказываете? Говорите о Пушкине”. Но такого „*Пушкина*”, т.е. „тигра” в Пушкине и нет вовсе. „Тигр” Пушкина в нас, поскольку мы ветви, выросшие из его ствола; он—в пестроте разнообразных ветвей, в многоместии многих идейных, культурных и художественных тенденций; в шелесте из всех дробится голос Музы его. „*Тигр*” Пушкина в том, что динамизировало нас или в непосредственном касании нас к его образам, или в культурно-исторической преемственности: т.е. в том, чем динамизировало нас русское художественное творчество, из него истекшее.

Смысл художественного творчества любого—в *ядре*, в целом, пересекающем все произведения; в каждом отдельном образе Пушкин

кристально ясен, кристально четок, совершенно словесно выражен; в целом, в „тигре”—безгласен, темен и сперва герметически закрыт; когда например пытались определить его общественную физиономию, то раздавались одни разногласия: его считали—анархистом, революционером, патриотом, умеренным либералом александрийского времени; расходились в оценке его деятельности сами *декабристы*: декабрист Пушкин так отзывался о нем: „*Он всегда согласно мыслил о деле общем (res publica), по своему проповедывал в нашем смысле—и изустно, и письменно*” (С. Штрайх: „Пушкин и Пушкин”. Издание Венгерова. VI том),⁹ а современник Пушкина, Горбачевский, указывает, что с Пушкиным „*непристойно знаться истинным политическим деятелем, а 'бедный Пушкин' того не знал*” (Н.О. Лернер: „Пушкин и декабристы”, газ. *Речь*, 1912.24.III).¹⁰ Но ведь можно сказать, что и „бедный Горбачевский” чего-то не знал, что Пушкин „*по-своему*” проповедывал; вот это-то „*по-своему*” в истории отношения к Пушкину оказалось настолько неуловимым, неясным, что понадобились десятилетия, чтобы понять где „*тигр*” Пушкина в так кристально ясно данной картинке „*леса*”.

Все, пытавшиеся ясно определить Пушкина ошибались; попробуйте отнести Пушкина к „*официальной народности*” (а ведь относили), когда он явно бросает, что дернул его чёрт родиться в России: „Святая Русь мне становится невтерпёж” (1824 года) [X,80]. Царизм или анархизм отделяет его от декабристов: полагали, что „*царизм*”, а по Слонимскому *анархизм*; он по Слонимскому заранее *боится узости в революции торжествующих декабристов* и во вторых он проклинает мещанский квиетизм народов,¹¹ не откликнувшихся на революционное движение его времени:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич!

[II,160]

В наиболее реакционный период свой, в 1828 году, он пишет к Филимонову:

Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.

[III,58]

Речь идет о *якобинской шапочке*, о том, что она снята с поэта *поневоле*; ссылка на то, что эта шапочка не в моде,—*явно иронична* по отношению к этой моде.

Но „откровенного разговора” помимо внешней цензуры не вышло бы между Пушкиным и его современниками. В том, что волновало его недра, был он нем, участь „*темному языку*” стихий русской действительности; с нами он был бы откровеннее, но откроется он весь—в будущем.

Бенкендорф, жандарм, его считал „*mauvais garnement*” (*шалонай*); вельможа Мордвинов „*ветряной головой*”;¹² декабрист Горбачевский и Писарев—соглашались с Бенкендорфом, с Мордвиновым, с Николаем.¹³ Казалось бы, Пушкин—понят, уличен, отвергнут, заслонен Лермонтовым, Некрасовым, сколькими: „*тигра*” не оказалось; и вдруг—в XX веке: у разоблаченного в легкомыслии Пушкина Гершензон открывает загадки, Яцимирский пишет про него „*С ног до головы анархист*”;¹⁴ в советских органах чаще и чаще звучит нота „*наш Пушкин*” и даже у Демьяна Бедного опускается рука: не поднимается она на Пушкина.¹⁵

В чем „загадка”?

И без анализа пушкинского творчества, в одном изменении отношений к Пушкину за сто лет—эта „загадка” всплывает. Достоевский прямо ее и выдвигает перед нами: „Пушкин загадал нам загадку, и вот мы теперь ее разгадываем”.¹⁶

„Загадка”—разгадывается и по сие время; загадка между „*лесом*” и „*тигром*”, меж ясной периферией пушкинских представлений, понятий и образов и темным смыслом, сквозящим сквозь них, т.е. со-мыслием, синтезом мыслей, со-чувствием (связью чувств), со-образностью; со-образить (сообразить) образы пушкинской музыки совсем не легко даже самому Пушкину;¹⁷ ему ясно „его” отношение к данному образу; но его „Я” не исчерпывается смысл творчества; поэт—рупор коллектива; сквозь его „Я”—выговаривает себя „мы” коллектива; а „*коллектив*”, отраженный Пушкиным, по Достоевскому, есть *русский народ*; сквозь Пушкина лепет миллионов „я”: мог ли быть „Я” Пушкину понятен этот лепет, поскольку это „Я” было связано с его биографией, средой, классом, историческими моментами; в нем он был „*темным языком*”, который он разучивал, хотел понять, но не понимал.

„Тигр” Пушкина ему самому не был ясен; то, что движет *волею поэта*, чего поэт является выразителем, не может поэту быть внятно в формуле; если бы у него рождались формулы, он не выражался бы образами, писал бы формулами, был бы публицистом, ученым.

Публицисту, ученому ясно, куда он „чалит“; поэт по существу не знает в формуле, какие понятия в нем складываются; ученый плывет в Индию; и открывает Индию; поэт часто думает, что направляется в Индию, а открывает Америку.

Вдохновение по Пушкину есть „расположение души к живейшему принятию впечатлений и со-ображению понятий“ [VII,57];¹⁸ здесь „со-ображение понятий“ „со-ображение“ их, т.е. соединение в образах и самое сочетание образов: „со“ этих образов нигде не даны в „понятии“, ибо оно *целое*, а сумма понятий—„части“; „со“ в „живейшем процессе течения представлений“; „живейшее течение“—организующий жизнь сознания процесс, а „понятие“ есть результат разложения процесса, его *остановка*; смысл *по представлению* не в рассудочной ясности, не в ясности формы, не в картинке, а в „тигре“, в „лепете“, в „процессе“; в фетовском „шепоте, в робком дыхании“, против которого грубо гремел Демьян Бедный, или в пушкинском „парок...лепетаньи“: в расположении у читателя к живейшему течению жизни сознания, вызванному таким же живейшим течением творческого процесса. Образ, форма, статика, формула понятия,—есть тоненький мостик внятицы, перекинутый от творческой пучины поэта к творческой пучине читательских масс в линии времени, углубляющей и размножающей смысл поэтического образа—зерна, из которого прорастает колос, пучек колосьев и наконец волнуемая, как море, необозримая нива *многообразий* внятных пониманий. Смысл образа, как зерна, в ниве, которая некогда из него прорастет.

Понять Пушкина—суметь выговорить все то, что посредством его образов выговорилось в русском народе—в образах Лермонтова, Некрасова, Достоевского, Толстого, в отдельных сознаниях, в народе, в том, чем зажегся от Пушкина:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

[III,373]

Не ждите от меня внятной характеристики произведений Пушкина. Ждите, наоборот, слов, над которыми Пушкин не задумался, но которые во мне вырели из произведений Пушкина. Я—часть нивы, проросшей из Пушкина; и „лепет“ мой—в Пушкине, хотя Александр Сергеевич, может быть, мне удивился бы.

Мои слова—не анализ слов и образов Пушкина, а *живейшее течение* представлений и понятий, возникшее из жизни этих образов во мне;

мои слова—*результат* вдохновения Пушкиным; я делюсь *результатом*.

Пушкин о себе мог думать другое; я могу с его мыслями о себе расходиться: это—не важно; важно, что мои мысли—результат течения во мне: Пушкин—протек же в меня; искусство действует не мыслями и образами, а *живейшим течением* под ними; оно—динамизирует; отвлеченное понятие об этом *течении* есть *памятник* над чем-то живым, принимаемым за мертвое; принимать Пушкина в сумме его образов, значит хоронить его, не принимая во внимание его жизни в нас; *живейшее течение* есть внеличное начало в личности поэта, а представления и понятия, в которых осело это течение—известковые отложения реки, формы, сосуды скудельные, в которых личность, эпоха, „Я” поэта затемнило „ложною ясностью” общечеловеческий корень поэта, „мы” какого-то коллектива в нем;¹⁹ в этих мыслях—дворянин, аристократ, интеллигент начала XIX века; в живейшем течении под ними—первый „всецелорусский” или даже „всечеловек”, „народный человек”, по выражению Достоевского; противоречие между „ракушкой” организма поэзии „Пушкина” и самим организмом, противоречие между „Я” и „мы”, между „дворянином” и „все-русским”, противоречие между „лесом” и „тигром”, между „трупом” и „живым”.

„Труп” Пушкина есть замкнутая в камер-юнкерский мундир личность Александра Сергеевича; жизнь „Пушкина” во всех нас: во мне, в вас, в пролетарском поэте Доронине, посвятившем Пушкину строки

Долго склонившись к моей подушке,
Когда веет кругом тишиной,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной.²⁰

По мере роста творческого начала в Пушкине его личность не могла не ощущаться им чем-то связывающим его, живо укладывающим его в могилу; Гершензон правильно указывает в своем очерке „Мудрость Пушкина” на то, что Пушкин в последние годы ощущал омертвление; но неправильно связывать „омертвление” это с омертвлением его *мудревшего* творчества.

Брать текстуально образы Пушкина в их отдельности, в ясной четкости, в „лесе” значит разлагать со-образность его творчества: это значит говорить о трупе Пушкина.

В стихотворении „Пророк” он говорит: „Как труп в пустыне я лежал”. Но этот труп оказывается после того, как вместо вырванного языка было вложено в уста „ жало мудрой змеи”... „Труп” есть состо-

яние летаргическое; после к „*труп*у” звучит голос: „Восстань”. „*Трупом*” лежал Пушкин перед сознанием русской интеллигенции десятилетия до пророческого слова Достоевского; оно—голос в нас, обращенный к Пушкину: „Восстань...Глаголом жги...” И вот Пушкин уже восстает в нас; и каждый не мертвый из нас скажет, соглашаясь с пролетарским поэтом Дорониным:

Склонившись к моей подушке,
Когда веет кругом тишиной,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной.

Да, Пушкин осознавал себя трупом с 1826-го до 1837-го года; „*труп*”—двойник Пушкина, его мундир камер-юнкера; это — классовое отложение во всечеловеке.

Мы все родимся одинаково: *в человечестве*; умираем *в классе*;²¹ и воскреснем в будущем: во всечеловечестве.

Личность—отгороженный участок; творчество—колодезь, который копается в этом участке; *живейшее течение*—разрыв личности в „*мы*”—в потоке подземном, пересекающем участок. „*Я*”—синтез времени, быта, среды, класса, рода и т.д., полученного запаса сведений, воспитания и т.д. в „*мы*”: понимание этого *синтеза*, результата, как *тезы*, катимой антитезою последующих поколений к новому более огромному синтезу. Взгляд на Пушкина 1) как на *синтез* своего времени, как на 2) тезу, открывающую будущему сознанию путь через антитезу, отрицание, к новому синтезу; в первом аспекте Пушкин—„лес”, во втором Пушкин—„тигр”.²²

II.

В одном отношении Пушкин завершитель огромного периода; он как бы весь—разложим в элементах прошлого: и в поэтической форме своей завершает эпоху; и в культурных вкусах своих и в общественных устремлениях—он предугазан прошлым; он—завершение, синтез эпохи; но именно: этим синтезом и является его личность, его „*Я*”, стремление к высвобождению этого „*Я*” из элементов, слагающих „*я*”: когда я говорю о синтезе, то разумею химический синтез, а не механическое смешение элементов; синтез в том, что при химическом соединении яда „Na” + яда „Cl” получаем новое вещество: *полезную соль*, „*NaCl*”;²³

до Пушкина русские культуртрегеры механически смешивали с русской своей основой “*Na*” “*Cl*” западноевропейской культуры; в поэзии Ломоносова, Державина, Жуковского, Батюшкова мы имеем это “*Cl*” в виде западноевропейской учебы; у Пушкина западноевропейское приобретает впервые *новое свойство* быть русским.

Пушкин—первый русский европеец; и эта Европа в Пушкине делается плотью и кровью русского самосознания; впервые в нем *русская* природа становится будучи русской вполне *общечеловеческой*; *содержание* пушкинской поэзии—*общечеловеческое*, оставаясь русским; *форма* его произведений сливается с *духом русского языка*.²⁴ Вместе с тем в образах Пушкина музы впервые являют нам нашу Россию; недаром образ музы его, иль поэтического единства, является ему сперва в *шушуне*, ветхую русскую старушкой;²⁵ недаром он сплетается не раз с образом няни, Арины Родионовны; образы поэзии Ломоносова или космичны, или реторичны: это—громадные полотна, где

Звездам числа нет, бездне дна.²⁶

И на фоне этих бездн восстают реторические образы мифологических существ, одно из которых „Елисапет”.

Муза поэзии Державина—опять тот же реторический космос и Екатерина Вторая;²⁷ персонажи—мифологические: образы слагаются в какой-то явный *style jesuite*.

Природа державинских полотен—„гиперболична”: с

С белыми Борей власами²⁸

„Алмазна сыплется гора” вместо водопада; вместо природы „алмазные горы” и „сребророзовы” перламутры.²⁹ Климат этой природы—не русский; это либо Индия, либо фантастическая Цитера.

У Жуковского, перевлеченного на Запад, лишь проблеск русской природы; это взгляд на природу из „павильона”. Природа Батюшкова—Эллада, или природа подстриженного парка с боскетами.

У большинства до Пушкина поэтов преобладает „гипербола” и „метафора”: „*алмазна гора*”; метафоричность—механическое сочетание двух элементов в один: везде еще *Na + Cl*, два яда, нигде “*NaCl*”—соли.

Из этих конгломератов Пушкин осаждает впервые *NaCl*: и результатом этого творческого действия является впервые умеренный климат нашей серой, русской природы:

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косогор,
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор,
 На небе серенькие тучи,
 Перед гумном соломы кучи...
 (Путешествие Онегина) [V, 203]

Здесь впервые появляется образ нашей огромной России—на горизонте нашей поэзии; до сих пор его заслоняли „алмазны горы” и „бездны”, и вместе с тем эта пушкинская Россия—живет, волнуется всечеловеческими интересами.

Этот пушкинский синтез, эта „*NaCl*”, соль его образов вместо мешанины из „*Na*” в виде скифско-татарско-византийского начала поэзии (былины, народная поэзия, „Слово о полку Игореве”) + „*Cl*” механически-усвоенной *пиитики* и реторики Запада является в содержании: смягченным, гуманизированным, всечеловеческим началом русской народности у Пушкина; в форме же он является синтезом: тропической растительности образов Ломоносова, звуковой трескотни Державина, мелодизма Жуковского в звуковую метафору, в „*сладкий звук*” Пушкина.

Конструктивно Пушкина труднее всего анализировать; звук спаян с образом, образ со смыслом: трудно найти „*Na*” (содержание) и „*Cl*” (форму) в формосодержании, в „*NaCl*”.³⁰

„*NaCl*”—химический синтез, но он может быть исходом нового процесса $2\text{NaCl} + \text{H}_2\text{SO}_4 = \text{Na}_2\text{SO}_4 + 2\text{HCl}$; в пушкинском синтезе, как мы далее увидим, проросты новообразований: Na_2SO_4 —его удивительные новшества формы (*Сказка о Балде*, где он перекликается с модернистами); о размере сказки: пишут и Поливанов, и акад. Корш;³¹ „*HCl*”—изумительные имитации Гете, Шекспира, «подражания» испанцам; Жуковский переводит; а Пушкин со-создает: с западноевропейскими авторами; и Достоевский считает эту черту *всецеловечности* в Пушкине основной чертой русского народа, которая раскроется в будущем.

Но об этом позднее.

Русская поэзия началась с отрыва: с учений рассуждений о *стопе пиррихий* и с декретов о том, как быть стиху; можно сказать, что Петр, декретировав „*брить бороды*”, декретировал быть стиху. Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов более разговаривали о стихе, чем писали; их красота есть эстетика „самой реторики”; они искали „*штиль*”; и тут в искании штиля перекликнулись с французской поэзией, имевшей

происхождение не от народной, а от “*hoch renaissance*”. Ломоносов, по Пушкину, „русский Малерб”;³² далее Радищев, Остолопов, Востоков для своего времени имели глубокие стиховедческие познания. История русской поэзии сплетается с историей русского стиховедения в своих истоках. Круг ценителей—единицы (может быть, один Шувалов для Ломоносова); Державина уже читал слой нарождавшейся дворянской интеллигенции; Жуковский, Батюшков—расширили этот круг.

Но Пушкин первый вышел из аристократического круга читателей: потенциально он записал впервые: *для всего народа*.

Пушкин завершитель эпохи *стиховедения*; он закончил задуманный опыт создания русского стиха; в его поэтической лаборатории впервые свершился синтез *формы*, и оттого-то эта западноевропейская форма, которой лишь он овладел вполне, явилась сосудом, в который влилось *содержание* переживаний, живейшее течение представлений, понятий, эмоций, импульсов.

В нем начала Сальери, соединившие его с прошлым всей европейской культуры стиха; о себе мог бы он сказать:

Ремесло

Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху...

(Моцарт и Сальери) [V, 357]

Да в сущности он и сам это говорит.

Порой я стих повертываю круто,
Все ж видно—не впервой я им верчу.³³

Что он, поскольку он предестинирован всем прошлым опытом стиховедения, он—Сальери.

С удовольствием он ссылается на слова Бюффона: „Гений есть терпение в высшей степени” [VII, 249]; хвалит Баратынского за то, что он „не пренебрегает...трудом отделки” (Заметки о Баратынском) [VII, 223-24]; хвалит Дельвига за то, что он в своих гекзаметрах „следует...правилам, изложенным современными учеными”;³⁴ „вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии” (Мелочи);³⁵ еще будучи юношей укоряет Шаховского в том, что он „никогда не хотел учиться своему искусству” (Лицейские заметки);³⁶ ценит в творчестве труд, „без которого нет истинно великого” (Мелочи);³⁷ он знает, что на одной чуткости и тонкости не построишь стиха: „Тонкость редко соединяется с

гением" [VII,59-60]. К своему собственному творчеству относится холодно: про „Руслана и Людмилу" говорит: „Никто не заметил..., что она холодна..." [VII,169]. Про „Кавказского пленника": „Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись" [VII,170]. Про „Бахчисарайский фонтан" говорит: „Бахчисарайский фонтан" слабее „Пленника" [VII,170] и т.д.

Пушкин—образованнейший человек своего времени: в этом смысле он, будучи первым русским поэтом, т.е. поэтом русского народа, гораздо более приобщен истории западной культуры; он в заметке о драме ссылается на учение Канта и Лессинга и сетует, что мы остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда;³⁸ его заметки полны экскурсов в историю французской ложноклассической поэзии, начало которой он видит в борениях Ронсара и Малерба.³⁹

Он способен прочесть лекцию об истории александрийского стиха и рассказать, как „за ним смотрел степенный Буало".⁴⁰ Это глубокое понимание ремесла, как и у *Сальери* („Я сделался ремесленник") обуславливает его интерес ко всему техническому, что сказалось в его заметках „О гекзаметрах Мерзлякова", в „Замечаниях на Песнь о Полку Игореве" и т.д.⁴¹ Его характеристики античных поэтов четки, броски, ярки; стиховедение и усвоенная культура прошлого позволяют ему овладеть *духом античности*; о нем можно сказать так, как он говорит о Дельвиге: „Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19-го столетия в золотой век... дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы" (Дельвиг).⁴²

Тут чутье от знания, от овладения не только всем 18-м и 17-м веком, но и сквозь них прикосновение к Ренессансу: его „Оды Анакреона", „Труд", „Мальчику (Из Катулла)", „Художнику"—перлы.

Лишь с вершины этого огромного овладения техникой у него сознательно складывается мысль о том, что русский стих, определимый Востоковым, станет народным стихом.

Пушкин так связан со всем прошлым, так определен им, что зачастую высказывается против современных ему стихотворных новшеств; он за „классицизмом" видит более будущего, нежели за романтизмом; и даже в „готической" такой дерзкой-новой по форме фразе Гоголя видит искажение языка и говорит: „Прозой пишу я гораздо неправильней, чем стихом, а говорю еще хуже, и почти так, как пишет Гоголь" (1830, „Критические заметки").⁴³ В рассказах Гоголя его смущает „неправильность его слога, бессвязность его...рассказов" (рец. на 2-ое изд.

Вечеров 1836 года) [VII,345]; между тем: „классицизм” „Фракийских элегий” Теплякова заставляет его восклицать „Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии ‘Одиночество’ и станса ‘Любовь и Ненависть’, то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами” [VII,430]. О Лермонтове, о Тютчеве—ни звука. Ему не нравятся романтические стихи Hugo:

Hugo с товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили без цезуры.⁴⁴

Перегруженность ремесленным опытом прошлых столетий порой делает его консерватором; он чувствует сам свою обусловленность рококо и барокко прошлого столетия; „Признаемся в *гососо* нашего запоздалого вкуса”—говорит он—„в этих семи стихах (речь идет о семи строках Вольтера) мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе” [VII,417].

Пушкин в отношении к культуре искусств в одной грани—насквозь рационалист, т.е. обусловлен XVIII веком, т.е. лежит в прошлом.

Также он обусловлен прошлым, т.е. выходит из XVIII-го века в своих общественных убеждениях.

Этот синтез образования и общественного—для Пушкина в Вольтере и Руссо; отец Пушкина—вольтерианец: Вольтер это—„*свое*”; в Лицее—„*политическая экономия*”; преподаватель Куницын—у которого охотнее всего учился Пушкин, написал в свое время книгу, пропитанную защитой прав „*человека и гражданина*”; Галич—свободный мыслитель; Лицей—„*очаг вольномыслия*” (в 1826 году была подана Николаю записка о вольномыслии лицеистов); в 1816-17 годах в Царском Селе стоял гусарский полк с офицерами Н. Раевским, Чаадаевым; отсюда уже связь с будущими декабристами. Пушкин к окончанию Лицея полон декабризмом; уже в семнадцатом году пишет, что угнетенное:

Отечество почти я ненавидел.
[I,319]⁴⁵

Разговоры его сверстников шли

Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.
[I,354]

С 1820-го года сношения с Рылеевым и Бестужевым. Он пишет:

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

[I,346]

Одно время он думает о цареубийстве.⁴⁶ Будучи передовым человеком, воспринявшим дух Вольтера и французского якобинизма, он был обусловлен всем прошлым, т.е. XVIII веком и революцией.

Сосланный, оказывается в районе действий Южного Общества; знакомится с Пестелем; Пушкин производит на него сильное впечатление; на Пушкина доносят, что он „ругает публично даже в кофейных... правительство”.⁴⁷ В Каменке (Киевск. губ.)

И за здоровье *тех и той*
До дна, до капли выпивали!..

[II,42]

Он прислушивается к революционному движению Европы; и видя, что революция не вспыхивает, разочаровывается, впадает в пессимизм; и в Одессе в 1823 году—вполне разочаровывается в близости революции:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич!

[II,160]⁴⁸

Отсюда еще большая замкнутость в *индивидуалистический анархизм*, в *аристократизм*, в *культ индивидуума*.

До появления в Москву—картина ясная: Пушкин—революционер, анархист, не слишком задумывающийся над государственными формами после революции; *антигосударственник*.

После—загадка: по одним—революционер до конца жизни; по другим—умеренный либерал; по третьим—консерватор.⁴⁹

К вопросу о том, кем был Пушкин, мы еще вернемся, а теперь встанет лишь картина того, как и в общественных увлечениях он был выводом, синтезом всего прошлого.

Но новое в поэзию внес постольку, поскольку синтез его поэзии сочетался с его гражданственностью до 1826-го года в полной гармонии; он был первый *поэт* в сфере *чистого искусства*; и—*первый большой поэт-гражданин*.

В этом аспекте он весь исчерпывается прошлым, им определяясь.

Но чем же отличается Сальери в Пушкине от другого начала в нем?
От Моцарта, который

Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских.
[V,362]

“*Na*” + “*Cl*” еще механическое соединение: $Na + Cl = NaCl$ —акт синтеза: Моцарта отделяет от Сальери *особая наука*: умение владеть вдохновением; вдохновение как высшая сознательность; уже определение вдохновения Пушкина глубоко знаменательно: „*Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий*” [VII,57]. Это *расположение* отделяет он от *восторга*;⁵⁰ оно есть умение читать темный язык стихий:

Я понять тебя хочу.
Темный твой язык учу.

Сальери учится *ясным языкам* техники; Моцарт имеет знание об овладении *темным языком*, который или обуревают поэтов (Державина), «или» которого они боятся („*О, страшных песен сих не пой*”).⁵¹ „*Пой*” говорит Моцарт-Пушкин:

Я понять тебя хочу.

Пушкин знает условие этого: рост *внимания* к окружающим звукам мира; умение их расслышать и отозваться; это—наука.

Баратынский вскрывает это внимание, как погружение в особого рода состояние сознания:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.⁵²

Умение себя поставить в условия такого состояния сознания и означает пушкинское „*понимание темного языка*”.

Для этого нужна особая внимательность к каким-то радиоизлучениям человеческих сознаний: быть радиоприемником; умение выключиться: „покой и воля” + временное одиночество; отсюда:

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

[III,22]

В этом состоянии изоляции и повышенного внимания нет никакого „нутра”, „восторга”, наоборот; здесь нужна наука овладения собой:

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

[III,174]

И Моцарт, и Пушкин, и Баратынский прошли науку вдохновения, как особого умения „принятия впечатлений и соображенья понятий”; и Блок имел эту науку, когда он, характеризуя это умение, говорит: „На бездонных глубинах...идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения”.⁵³ Их-то, по Блоку, и бежит улавливать внутренним ухом поэт: они-то и организуют образы; „Я” поэта здесь становится преемником беспроволочного телеграфа; и как телеграфный аппарат надо *изолировать* от улицы, так надо изолировать себя поэту в эти минуты и перейти от „черни”, т.е. неорганизованного коллектива, к коллективу организованному;⁵⁴ в умении этом поэт отделяется от других; но что это за ритмические колебания; это—те токи, которые идут к поэту от коллектива, которого рупором он является; эти явления *восприятия* образов и впечатлений в особом состоянии сознания, именуемом *вдохновением*, подобны установленным наукою фактам телепатии; здесь „Я” поэта включено в цепь каких-то „мы”; здесь—расширение личности, приподнятое поэта в его творческом ядре над ближайшими условиями быта, стиля; это расширение ведет к тому, что

И вял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...

[II,338]

Слово, рождающееся отсюда,

Есть жало мудрая змея.

Но расширение за пределы личности убивает личность:

Как труп в пустыне я лежал.

Наука вдохновения дает живейшее восприятие, в котором сливается "Na" + "Cl" → "NaCl"; каждый акт творчества есть сознательно проведенный химический опыт синтеза содержания, предопределяющий тот синтез формы, в котором Сальери стяжал мастерство.

Вне этого *опыта вдохновения* поэт ничем не отличается от других:

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

[III,22]

Вдохновение—процесс мучительный: прораствание „Я” в некое „мы” страшно; он заставляет переживать рассечение личности:

И он мне грудь рассек мечом.

[II,338]

Оно ведет к переживанию себя трупом:

Как труп...

Это „*священная жертва*”, ибо личность поэта, его „Я” приносится в жертву: отсюда же

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...

[V,419]

То, что для сверхличного начала в поэте („мы” в „я”) есть „*песня*”, то для личности, т.е. камер-юнкера Александра Сергеевича, есть „*мрачная бездна*”, в которую проваливается я. „*Гуляка праздный*” включает в себя сознательного Сальери; принимает яд Сальери: этот последний в нем живет как тот черный человек. Моцарт говорит:

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится...

[V,365]

Черный человек, тень поэта, тяжелящий его груз его сознательно ограниченной обособленной замкнутой личности и есть „*труп*” не восставшего еще в поэте *пророка*; *пророк*—поэт, освободившийся

вполне от *прошлого*, от классовой морали, классовых предрассудков путем осознания источника „*вдохновения*” в особой науке; вне этого осознания он еще „*эхо*”: резонатор; его язык—лишь отзыв; в осознании язык—жало мудрых змей.

По мере роста поэтического самосознания, по мере овладения словом и формой двойник расширенного до „*мы*” сознания поэта в виде суженного, сморщенного, разлагающегося личного „*Я*” все более и более мучает. „*Черный человек*” Моцарта, т.е. отделившийся от него Сальери, убил Гоголя, измучил Толстого; и он же пред Пушкиным поставил его двойника: сперва Онегина, потом камер-юнкера Александра Сергеевича, схваченного пошлым обществом, жандармом Бенкендорфа и солдатом Николая; он видел свой „*труп*” нищающим, убегающим от „*Медного Всадника*”, он чувствовал его в каменном пожатии *Командора*.

Здесь самый рост поэтического самосознания становится ужасными муками творчества.

Об этом ниже.

В Пушкине синтез, мучительный для него, и заключал 1) умение сочетать все элементы *ars poetica* прошлого, 2) умение сочетать все данные науки об овладении вдохновением (новое), 3) умение вливать образы этого вдохновения в элементы формы.

Результатом этого знания в пушкинском *синтезе* явился образ России.

Первый европеец среди нас стал первым русским.

Встала Россия вся настоящая:

На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи... [V,203]

Явилась она в своем прошлом:

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой. [IV,13]

Он говорит, что я

...просто вам перескажу
Преданья русского семейства. [V,61]

До Пушкина не было *быта* России; это умение дать *душу быта* результат небывалого расширения *души*: Запад влился в Восток; Восток стал Западом в нем; *смерд* стал всечеловеком; *барин*—всецело

спросимся с народной стихией (в русских сказках и т.д.); Пушкин— первый народник; *первое наше хождение в народ—в нем.*

С одной стороны—в нем окончился целый огромный период, он вершина поэзии; но за ним—никого: нет пушкинской линии.

Наоборот: Лермонтов—открывает период.

Где—Пушкин? Нет.

Или—во всем.

И прежде всего он—„*в отрицании Пушкина*”.

Так синтез Пушкина становится *тезою*; точкой, от которой ширится воронка всей русской жизни.

В Пушкине рост поэтического самосознания ведет от осознания себя „*эхом*” к осознанию себя пророком, от игры к долгу „*жалом мудрых змеи*” „*жесть сердца людей*”. Эти задачи вносят в его поэтическую миссию новые *боли*: осознание всего того, что препятствует вполне ему отдаться высшей миссии: сочетанию *поэтического слова с человеческим делом*; препятствует „*личность*”, ограниченное „*Я*”, становящееся темным пятном в солнечном „*мы*”, в нем живущем; и несение в себе темного пятна, „*черного человека*”, „*яда*” Сальери, проявляется в пушкинском творчестве, как рост в нем *омертвения*; пока он был лишь „*эхом*” источника вдохновения и „*эхом*” жизни, общественных отношений его времени, он воспринимает стихи, как мятежные звуки моря, язык которого он передает; теперь „*море*” становится для брэнной личности „*мрачной бездной*”, а эта личность ощущает себя перед бездной „*трупом*” над могилой.⁵⁵ Он уже связан *долгом* служения; его свобода быть лишь „*эхом*” кажется ему гибельной; его свобода—свобода в долге „*жесть сердца глаголом*”.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы. [III,459]

С 1828-го года это чувство стесненности, плененности, трупности—растет: и разрешается трагической гибелью.

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю. (1828) [III,60]

Легкость „вдохновения” отлетает; он обращается к рифме:

Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда! (1828) [III,76]

Да, изменила в прежнем смысле; теперь он говорит о „*противочувствиях привычек*” [III,144: „К противочувствиям привычен”]; свое личное имя несет он, как нечто черное, чуждое:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный... [III,163]

Вдохновение свое силится он подчинять высшему долгу:

Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой. (1828) [III,65]

Здесь уже (не) вопрос о том, чтобы вертеть „стихом”, а вопрос о том, как слово поэзии превратить в дело „жизни”. Но „*грехи*” личности не пускают.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам... [III,368]

На высотах внемлет „арфе”—

В священном ужасе поэт. [III,165]

А в низинах жизни он не в состоянии ввести звук арфы в жизнь:

Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты. (1828) [III,70]

С этого времени в изумительном пушкинском прозрачном слове разверзается огромное молчание; углубляется внутренний „*смысл*”, который не совпадает с внешней поверхностью (сказать об „Ах!”).⁵⁶ Получается противоречие между „*лесом*” и „*тигром*”.

Источник связанности—невозможность превратить свое слово свободы в дело, невозможность воплотить „*революцию сознания*” в *революцию жизни*; и прежде всего появляется связанность политическая; политическая свобода для поэта—одно лишь из выявлений свободы сознания: свободы от „уз мысли”, „уз экономических”; и даже внешних уз.

Слово поэта скрывается: вместо слова—жест: 5 виселиц, им нарисованных (по поводу казни 5 декабристов). И фраза

И я бы мог, как тут...⁵⁷

Бравирование прошлых лет кажется бессмысленным:

Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой! [III,147]

Разъединение в нем „сверхличного” начала, в котором поэт живет уже в коллективе (и этот коллектив—Россия) и начала личного, посаженного в тюрьму придворной жизни, ведет

К противочувствиям привычен.

Он знает, что он

В лице и в жизни арлекин. [III,144]

Чтобы понять, что произошло с 1822-23-го года до 1826-го, когда после мыслей о бегстве он был доставлен в фельдъегерской карете к царю, нужно вспомнить, что за это время он пережил: 1) рост в себе *революционно-освободительного* движения, заставившего его осознать не только мысли о революции и цареубийстве, но и мысли о том, что *декабрьская революция*, будь она торжествующей, не освободила бы окончательно, а наложила бы лишь *новые оковы*; декабристы ему казались *узкими и ограниченными* революционерами; и мы знаем, что *революция эта* привела бы в лучшем случае к английскому конституционизму. 2) Он правильно оценил мелкобуржуазный характер массовых движений; „народы” казались ему коснеющими в мещанстве:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич! [II,160]

Пушкин до политической революции уже пережил ее в духе; и—понял, что она—не выведет из тупика.

Представлений же о социальной революции в то время у него не могло быть: столетие его отделяет от этих представлений; сознание же его революционизировалось „максимально”; достаточно чутко прислушаться к „ритмам”, которыми билась пламенная кровь Пушкина, чтобы понять, что Пушкин был „максималист”, перешагнувший все программы „минимум”, но не смогший ясно представить себе воплощения программы „максимум”; эта программа жила в нем в катастрофах и революциях сознания, заставляющего „пророка”, т.е. революционера сознания подставлять свое сердце под пламенный меч, секущий грудь, и идущего на то, чтобы самый „язык”, говорящий о ветхом и косном, был вырван, дабы жечь огнем революции сердца людей.

Даже Пестель должен был ему казаться ограниченным и умеренным, а дело декабристов обреченным на провал: недоставало ведь столетия истории русской общественной мысли; между „максимализмом” Пушкина и первым робким его выявлением в деле „народовольцами” лежали десятилетия; и эти десятилетия *пустынь позора*, так ясно стояли перед Пушкиным... Оставалось сказать:

Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты. [III, 70]

И первая фигура „молчания”—плащ индивидуализма и байронизма, в который он особенно подчеркнуто закутался: с 1823-го года, с момента одесской жизни, после разочарования в декабристах.

Молчание Пушкина о самом главном, о том, что есть „слово и дело”—потрясающе: после, когда всю жизнь его нудило к общественному служению, он задумался над рядом компромиссов, над революцией сверху Петра; его появление перед Николаем уже попытка *подпольной работы*: его записка об образовании, поданная царю, есть отчаянная и обреченная на неудачу (попытка) „обманом” вырвать от самодержавия хоть что-нибудь; его отношения к Николаю—стремление конспиратора замести следы перед другими и перед той своею частью сознания, которая могла проговориться; Пушкин даже не косноязычен в выражении своего пророческого дела, как Л. Толстой, а совершенно немой.

С 1826-го года до 1837-го—та сторона биографии, которая повернута к правительству, т.е. „Пушкин консерватор”, „Пушкин умеренный либерал”, все это гримасы, спазмы, корчи боли, из которых он выбрасывается в смерть.

Ведь отправляясь с фельдъегерем в 1826 году, он вез в кармане первоначальное окончание „Пророка”

Восстань, восстань пророк России,
Позорной ризой облекись...
Иди—и с вервием на выи
К царю...(с покорностью)...явись!⁵⁸

В 1826 году он знал, на что идет: с 1826-го до 1837-го года „сознание пророка” под арлекинской маской шута, пыталось вести свое *подпольное дело*, заведомо обреченное на неудачу.

Все „государственные интересы” Александра Сергеевича Пушкина—пытка для того, кто молчал с думой о „деле” под ними.

„Пушкин” был схвачен жандармами и в десятилетии затерзан; „микри” его превращения было разгадано; под мину была подведена

контрмина. В год, когда он обращался с хвалою к царю, он писал к декабристам, что настанет время, когда им будет отдан меч.⁵⁹

К себе же, к своему конспиративному молчанию он обращался

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье... [III,72]

Но терпения не оказалось у личности, когда сам себе казался

В лице и в жизни арлекин.

И позднее он сам себе являлся:

Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал. [IV,396]

И тогда безумие стало охватывать Пушкина, как Евгения.

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох иль сума;
.....
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить меня придут. [III,266]⁶⁰

И—посадили: 1) цепь—пошлых предрассудков „*бесы разны*”; они—с женитьбы, 2) цепь — материальной нужды, 3) пойманность царем и Бенкендорфом, 4) позорное камер-юнкерство: встреча в Царском Селе: внимание Николая к хорошенькой Пушкиной и камер-юнкерство, дабы она бывала на интимных вечеринках.

Письма к жене: „Не кокетничай с царем” (1833) [X,451]; к Нащокину: „На балах пляшет, с государем любезничает” (1832) [X,400]. Любимая дама Николая. Из дневника—балы, балы, балы... Из дневника 1834-го года: „Я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)” [VIII,33]. „Великий князь наемни поздравил меня в театре:—Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили” [VIII,35]. „Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его” [VIII,35]. „Государь был недоволен” [VIII,35] (что уехал с бала). „Выехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами” [VIII,55]. Даже вюртенбергский посланник сообщал своему правительству, что пожалование камер-юнкерством: „*Заставило его снова перейти в оппозицию*”.⁶¹

Камер-юнкерский мундир для Пушкина— „*Позорная риза пророка*”.

Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить меня придут.

Пушкин до смерти смотрел на свою *заживо-погребенную* личность, как на предмет изображения; и она отразилась в нем *Евгением Онегиным*; *Евгений Онегин*—загримированный Пушкин; он сам есть „маска”; его поверхность— „омертвление”, „скука”, под которой—молчащий и его пожирающий „пламень исканий”; Гоголь уничтожил „живую часть”, „воскресшую часть” своих „*Мертвых Душ*”. Пушкин уничтожил живую осмысленность „*Евгения Онегина*”, его последнюю главу, где „*Евгений Онегин*” открывается нам в сношениях с „*декабристами*”. Под маской „мертвенности” в Евгении пламень искательства.

Черты „*Евгения*” носил в себе Пушкин человек, Пушкин гражданин—с юности:

От юности...
Останется уныние одно... (1817) [I,318]

Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья.
(1820) [II,8]

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
(1821) [II,27]

Мне скучно, бес (Сцена из Фауста) [II,283]

Судьба глядит, мы вянем; дни бегут (1825) [II,277]

Сколько глупостей писалось об „*онегинстве*”. Единственный его дефект—дань времени, преждевременное прохождение „*науки страсти нежной*” [V,12].

Он—добрый, благородный, увлекающийся; ведь неспроста его раскусила одна из львиц:

И знали ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры?
(Из Альбома Онегина) [V,543]

Равнодушие—маска; он увлекается

И решено. Уж он влюблен,
Уж Русью только бредит он.
(Из путешествия Онегина) [V,558]

Увлечения его ведут через пылкую страсть к Татьяне, увлечения, далее, его ведут к декабристам; он оказывается

У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи. [V,212]

Но повидимому его скорее влечет к Пестелю и к Южному Обществу (т.е. к терроризму).

Пока он думает, что не верит в любовь, он благородно отрекается от любви Татьяны, но

Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал. [V,81]

И—Пушкин прибавляет:

Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство. [V,83]

И все же: еще в деревне он до некоторой степени Татьяной увлечен; на именинном обеде—

...как-то взор его очей
Был чудно нежен... [V,115]

Онегин изображен Пушкиным во внешней рисовке не тем, кем он был, а каким казался среде:

Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк. [V,83]

Понятно, почему Пушкин не слишком обеляет его; ведь Онегин—он сам в половине своего существа, в личности; защищать Онегина—ему просто неэтично; и он предпочитает отшучиваться; но бросает намек, что отношение—понятно: Онегин возвышался над обществом: это общество казалось Онегину-Пушкину отжившим:

И устарела старина,
И старым бредит новизна.
[V,28]

Онегин вместо поэзии читал

Адама Смита
И был глубокий эконом...
[V,12]

Под маской равнодушия он непрестанно ищет путей жизни:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом...
[V,168]

Оказывается он оказался у „декабристов“, и стало быть далее его путь—сливается с пушкинским: т.е. его ждет, может «быть» виселица— „И я бы мог, как тут“ (слова Пушкина к рисункам)—или бы, как Пушкин, он замолчал и его затерзала бы жизнь, как Пушкина:

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров—
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

[III,267]

Достоевский соединяет Онегина с Алеко: „Алеко-Онегин“, по Достоевскому, изживающее себя сознание интеллигенции: от скуки—к покаюнию; от покаяния—к исканию, к скитанию, к хождению в народ; и стало быть—прибавим мы: от народничества—к народовольчеству: к революционному марксизму и т.д.

Достоевский про Онегиных говорит: „Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое *скитальчество*“.⁶² И прибавляет, что еще мало беспокоившихся; скоро многие беспокоятся: „довольно лишь десятой доли беспокоившихся, чтоб и остальному ...большинству не видать чрез них покоя ...” И далее: „Алеко...еще не умеет правильно высказать тоски своей“.⁶³ Но и в 1880 году по Достоевскому не многие умели „*правильно высказать тоски своей*“. Это же через двадцать восемь лет отмечает Блок в теме своей „*Россия и интеллигенция*“.⁶⁴ В 1906 году он выражает беспокойство: „*Что же делать?.. Нет больше домашнего очага...потухли очаги. Двери открыты на вьюжную площадь*“.⁶⁵ И далее: „Голос вьюги вывел их“. „Шоссейными путями нищей России идут, ковыляют...Это—священное

шествие...тысячеокой России, которой уже нечего терять...она...пустилась «в пляс» по всему ...непридуманному раздолью..."⁶⁶ И тогда же Блок видит цель этого шествия: шествия в революцию, чрез революцию к „братству народов..."

Пушкин за 100 лет *первый* до народовольцев, народников, декабристов ощутил себя в равнинах гигантской России:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
[III,176]

Шествующим сквозь метель, строящую лики „бесов разных" к...
восстанию, к максимализму.

Восстань, восстань, пророк России!

Но не для того, чтобы облечься позорной ризой, а чтобы „*обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей*".

Но русская общественность сиднем-сидела; и он был временем к „*сидению-сиднем*" [так!].

...ночью слышать буду я...
...крик товарищей моих...
Да визг, да звон оков.

Пушкин тут, не будучи в состоянии *пророчески* говорить, не будучи в силах соединить „*слова с делом*", начинает *пророчески молчать*. И это пророческое молчание—искомый „*тигр*", „*леса*", *загадка*, которую он нам загадывает.

Пушкин, как поэт—*синтез слова*: изумительное завершение традиции „Гомера" и „Феокрита".

Но в Пушкине этот „*синтез*" прошлого становится „*тезой*" еще более огромного синтеза „*слово и дело*"; антитеза „*дело*" без слова жила в нем где-то.

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом.
[V,61]

Она углубляется:

Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты.

[III,70]

Под вынужденной „позорной ризой", под ледяной мертвой маскою; и это выявляется в Онегине:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом.

[V,12]

Весь послепушкинский период—не повторяет *„тезы“* Пушкина; сладких звуков его легкой, совершенной, единственной, неповторимой формы: ее просто *быть не может*; все позднейшие апелляции к пушкинской форме—глупы; она прошлая, настоянная на Гомере и Феокрите; и нет прямой линии пушкинской преемственности. Вместо линии за точкой обрыва пушкинской поэзии—конус всего того, что вытекло из *„молчания“* Пушкина, из *дела* Пушкина; оно—во всех явлениях русской словесности.

„Медный Всадник“ окаменевший в Пушкине, *„пророк“*—разряжается в русской литературе в галерее *„сильных личностей“* Достоевского, а обедневший, убегающий от него *„Евгений“*, *личность*, не могущая разорвать гранитные оковы, обедневает в *„бедных людях“* Достоевского: пролетаризируется; Некрасов, Толстой и т.д.

„Музыка“ человеческих отношений застывает в государственной централизации, Россию *„вздернувшей на дыбы“* и насильственно удерживающей в окаменении *„над бездной“*: революционность Петра, *„вздернувшая“* Россию для прыжка, искажается в узде Николая I-го; и в этой ноте жившее в Пушкине *„ужо тебе“* разрешается лозунгом дальнейшей социалистической общественности *„дела“*, в котором отрицается Пушкин.

Антитеза *„дела“* Пушкина—отрицание Пушкина в Писареве и в Чернышевском.

В русле молчания Пушкина оказываются в дальнейшем судьбы русской словесности, культуры, общественности.

И наконец со времени великой речи Достоевского, увидевшего сквозь простоту и гармонию пушкинского слова *„тигра“*, т.е. пушкинское *„дело“*, *„загадку“*, мы медленно начинаем разгадывать *„Пушкина“*; и понимать, что он—самый темный, самый немой, самый трудно понимаемый и медленно читаемый поэт при всей кажущейся ясности.

Воскресает лозунг *„Вперед от пушкинского“*, т.е. в Пушкине загаданного отрицания Пушкина, к Пушкину, который живет во всех нас. К восстанию *„связанного пророческого трупа“*, иль *„медной статуи“* в жизни и трепете всего русского народа.⁶⁷

Достоевский говорит: *„По-моему, Пушкина мы еще и не начинали узнавать: это гений, опередивший русское сознание надолго“* (Дневник

писателя 1877 г).⁶⁸ По Достоевскому, Пушкин—„один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело”.⁶⁹

Что же это за „всецело”, „всецело” быть русским, по Достоевскому— в своем русском „я” ощутить „мы” человечества; в народе, по Достоевскому, эта расширяемость „я” в коллектив, в „мы” потенциально загадана; в Пушкине она уже начала сказываться реально; муки личности Пушкина от прорастания в нем „народного” „мы”, разламывающего „дворянскую” личность Александра Сергеевича.

Пушкин, по Достоевскому, первый заявил, что русский человек не „раб”. „Было рабство, но не было рабов”.⁷⁰ В знании этого Некрасов, по Достоевскому, вытекает из Пушкина (Дневник писателя, по поводу смерти Некрасова). Пушкин—„великий и непонятный еще предвозвестник”.⁷¹

В чем же Пушкин предвозвестник? 1) Он первый поставил перед нами диагнозы болезни нашей в Онегине, Алеко: оторванность от народа. 2) Он, по Достоевскому, первый „дал...художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского”.⁷² 3) Он первый среди нас имел способность „перевоплощения в гении чуждых наций”. Но, по Достоевскому, способность к перевоплощению „есть русская национальная”;⁷³ в ней народно, законно наше стремление на Запад; в этом всечеловеческом расширении русской стихии, по Достоевскому, „нищая земля наша скажет новое слово миру” (Объясн. слово к пушкинской речи, Дневник писателя за 1880 г.).⁷⁴

От себя Достоевский прибавляет: „В Европе—все подкопано и, может быть, завтра же рухнет”. Вместо гибели прошлого возникнет нечто неслыханное, новое, ни на что прежнее не похожее. „Все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения”.⁷⁵ Мы же при всей нашей нищете выскажем „зерно будущей правды”.

И вот Пушкин первый в своей классовой отъединенности сроднившийся *взаправду* в потенциально живущем в русском народе „зерне будущей правды”,⁷⁶ способной примирить европейские противоречия, молчанием своим, утаенным за ясными образами своей поэзии, „загадал нам загадку, которую мы разгадываем”.⁷⁷

В чем загадка последних, полусознанных устремлений Пушкина, устремлений, которые бились в нем пророчески, когда „как труп в пустыне ‘он’ лежал”?

Разгадка в устремлении нашего народа, а это устремление—в ощущении, что „стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей...”⁷⁸

С этой-то *загадкой*, по Достоевскому, и умер Пушкин, с загаданной всемирною революцией, клокотавшей в нем пророчески как революция

его сознания:

Восстань, пророк...
И, обходя моря и земли,
Глаголом жечь сердца людей.

Достоевский говорит: „Пушкин умер...и...унес с собой в гроб некоторую великую тайну; и вот мы теперь без него эту тайну разгадываем..."⁷⁹.

Можно сказать, что подслушанная догадка о „загадке" Пушкина оправдывается теперь в лозунге красных знамен, на которых начертаны слова „*братство народов*"; может быть, она разгадывается теперь, когда *ритм* не сказанных пушкинских слов о „*деле*" рассказывается духом Пушкина пролетарскому поэту, признающемуся:

Долго склонившись к моей подушке,
Когда веет кругом тишиной,
Александр Сергеевич Пушкин
Разговаривает со мной.

Мы бегло окинули тройственность значения Пушкина.

Пушкин—как теза: словесный синтез всего прошлого.

Пушкин—как антитеза: дело русской культуры XIX-го века.

Пушкин—как синтез: слово и дело: врожденная нашему народу миссия осуществить „братство народов". Восстание пушкинского пророка в народном деле.

Пушкинская форма—*тетива*, натянутая из прошлого стрелой, по зовом к делу.

Пушкинское содержание—стрела, пронизавшая многих и нас пронизывающая и улетающая в будущее.⁸⁰

Пушкинский синтез—стрела, попавшая в цель, в будущее: по новому откроется Пушкин в братстве народов.⁸¹

Примечания

1. Папка „О Пушкине. Конспекты и тезисы лекций. Афтографы, машинопись (стенограмма). 1925 г.", ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 95, содержит четыре документа на 67 листах: I) Доклад Андрея Белого в Академии Художественных Наук на тему — „О Пушкине", машинопись с пометкой Белого: „Искалеченная и автором направленная стенограмма лекции о Пушкине (произнесенна в ГАХНе)". Этот текст здесь не принимается в расчет. II) План лекции о Пушкине, произнесенной

1) в „ГАХНе” в 1925 году, в феврале, 2) в Студии „Петрушка” в 1925 году, 3) в Киеве, в Коммун. доме искусств, в мае 1925 года. Эта рукопись публикуется здесь впервые. III) Конспект к одной из лекций о Пушкине. Отрывки из этой рукописи воспроизводятся в примечаниях как „Конспект”. IV) Тезисы к „Слову о Пушкине”: 1) Трудности, сопряженные с пониманием проблем, выдвинутых творчеством Пушкина. 2) Пушкин как самый ясный и самый темный поэт. 3) Пушкинская ясность дробится в противоречиях русской общественной мысли XIX века. 4) Проблемы „я” и „мы” (личности и коллектива) в творчестве Пушкина. 5) Пушкин как теза, как антитеза, как синтез. 6) Пушкин—как синтез прошлого; он определим насквозь рационализмом XVIII века и освободительными стремлениями французской революции. 7) Трудности определения общественного лица поэта во второй половине его жизни. 8) Гармония пушкинской поэзии разрешается в ряд антиномий между „поэтом” и „пророком” и „революционером”, самой личностью поэта и русским обществом. 9) Пушкин как молчальник: максимализм Пушкина. 10) Застенок Пушкина. 11) Евгений Онегин—двойник Пушкина: судьба Онегина. 12) Пушкин и русская интеллигенция. 13) Пушкин и народ. 14) Пушкин в синтезе „слова” и „дела”. 15) Пушкин и лозунги наших дней.”

2. „Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите”. Дневник писателя. 1880. Август. Глава вторая. Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности — Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30 тт.*, Л., 1984, т. 26, с. 147.

3. „Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы,” ст. 5 („Парки бабье лепетанье”); А.С.Пушкин, *Полн. собр. соч. в 10 тт.*, М., 1957, т. III, с. 197. Дальше указания на тексты Пушкина, цитированные Белым в лекции, будут даны в самом тексте в квадратных скобках: римская цифра обозначает том в собр. соч., арабская—страницу.

4. М. Гершензон, *Мудрость Пушкина* (М., 1919), с. 122, в статье „Станционный смотритель”. Первая часть („Недра”) другой статьи („Пушкин и мы”) в книге посвящена „Котику Летаеву” Белого. Ее словарь и тематика очень схожи с началом лекции Белого. В своем некрологе „М. О. Гершензон” Белый писал: „исследование [Гершензона] о Пушкине—больше поэма о Пушкине, а не итог изучения стиля и образов” (*Россия*, 1925/5 (14), с. 250).

5. „Метель”, там же, сс. 128-37. Ср. особенно: “Жизнь—метель, снежная буря, заметающая пред путником дороги, сбивающая его с

пути [...] Он—безвольное игралище метели-стихий” (133).

6. Белый, как и предыдущие поколения читателей, знал последнюю строчку „Стихов, сочиненных ночью...” только в „варианте” Жуковского. Пушкинисты восстановили правильное чтение („Смысла я в тебе ищу...”) только в двадцатые годы. У Белого, как видно из других его цитат из Пушкина здесь и в других работах, по-видимому, было только старое издание собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, СПб, 1907-15 гг. и, вероятно, изд. П. А. Ефремова, СПб, 1903-05 гг. Он неправильно цитировал эту строчку до конца своей жизни.

7. „Конспект” здесь читается: „История от ‘леса’ к ‘тигру’ [—] история русского самосознания от Пушкина через Белинского, Писарева, Чернышевского, Достоевского, символистов к нашим дням”.

8. Белый не цитирует, а резюмирует конец речи Достоевского о Пушкине. В частности Достоевский там пишет: „Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. [...] не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и все-соединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!” (Достоевский, указ. соч., сс. 147-48).

9. С. Я. Штрайх приводит следующие слова Пуштина в своей статье „Пушин и Пушкин” (изд. Венгерова, т. VI, 1915, с. 392): „Он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (res publica), по своему проповедывал в нашем смысле—и изустно, и письменно, стихами и прозою”.

10. Утверждение Белого не совсем соответствует тому, что Н. О. Лернер приводит в своей статье „Декабристы и Пушкин (Новые данные)”, *Речь*, 24 марта 1912, No. 82 (2036). Лернер там цитирует письмо от 12 июня 1861 г., в котором декабрист И. И. Горбачевский писал М. А. Бестужеву: „Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал; сочинение нашего Ив. Ив. Пуштина, о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много писал. Бедный Пушин,— он того и не знает, что нам от верховной думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Алекс. Серг. Пушкиным, когда он жил на юге,—и почему? прямо было сказано, что он по своему характеру и

малодушию,—по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества”.

11. См. статью Александра Слонимского „Пушкин и декабрьское движение”, изд. Венгерова, т. II (1908), сс. 503-28, особенно: „[...] у Пушкина рано определилось то, что он называет: ‘мой эгоизм’ [...] Исходной точкой для Пушкина являлся индивидуализм—‘жажда воли’—а стремление к политической свободе было только одним из частных проявлений этой жажды.[...] Это [речь старого цыгана в ‘Цыганах’] уже Толстовский анархизм.[...] Этот ‘анархизм’ делал непреходимой пропасть между Пушкиным и декабристами [...]” (с. 525). См. также „Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни” В. Водовозова в шестом томе изд. Венгерова, сс. 369-89, особенно: „На него-то [„царизм”] и возложил свои надежды Пушкин [...] и остался верен этой надежде во всю свою жизнь” (с. 373); „Пушкин стремился примирить свою государственность с свободой личности” (с. 377); „царизм и умеренное свободомыслие Пушкина” (с. 378).

12. „Он, все-таки, порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно (il n'en est pas moins un bien mauvais garnement, mais si on peut diriger sa plume et ses propos, ce sera un avantage)” (письмо А. Х. Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 г.) — Мих. Лемке, *Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.* (СПб, 1909, издание второе), часть IV: Муки великого поэта, с. 483.

П. А. Ефремов в своем изд. Собр. соч. Пушкина, т. VII (1903), с. 317, приписывает следующую записку, отправленную 21 марта 1829 г. Бенкендорфу, не „вельможе” Н. С. Мордвинову (1754-1845), а управляющему III отделением А. Н. Мордвинову (1792-1869): „[...] господин поэт столь же опасен pour l'Etat, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмет никто в свои затеи”. Мих. Лемке, указ. соч. (с. 493), оспаривает мнение Ефремова и приписывает записку М. Я. фон Фоку. „Записка”, без атрибуции автора, впервые была опубликована в *Русской Старине*, 1874, т. X, No. 8 (август), с. 703.

13. „[...] согласились и Писарев с Чернышевским; и решились: Пушкин—пустячок ‘чистой поэзии’; не то—Лермонтов, Некрасов и даже Надсон!!!” („Конспект”).

14. „То заносчивый, то дерзкий, кощунственный, легко раздававший направо и налево свои рукописи, с ног до головы ‘анархист’ [...]” — А. И. Яцимирский, „Пушкин в Бессарабии”, изд. Венгерова, т. II, с. 164.

15. См., например, стих. „Наш. А.С. Пушкину” Владимира Василенко, опуб. в *Известиях*, No. 127, 5 июня 1924.

Ср. статью В. П. Полонского „К вопросу о наших литературных разногласиях. Критическая заметка по поводу книги Г. Лелевича ‘На литературном посту’” в ж. *Печать и Революция*, 1925/4, сс. 63-66, особенно: „Потому-то, напр., Демьян Бедный, Л. Сосновский и др., которые, по их признанию, упиваются Пушкиным, нисколько им не отравлены, не ослеплены, не ‘заражены’ в том клиническом смысле, какой придает ‘заразе’ искусства т. Лелевич” (с. 66). В начале 30-х годов Бедный вместе с А. В. Луначарским, П. Н. Сакулиным и др. участвовал в редколлегии издания Пушкина. „Конспект” здесь читается: „И после всего—‘*тигр*’ Гершензона, ‘*загадка*’ Достоевского, ‘*наш*’ Пушкин у руководителей наших судеб”.

16. „Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем” (Достоевский, указ. соч., с. 149).

17. „*Загадка* в отыскании *со-образности*, *сообразности*, смысла, *тигра*, целого у Пушкина” („Конспект”).

18. Во всех изданиях заметки „Отрывки из писем, мысли и замечания” „со-ображение” набрано „соображение”. В статье „Мудрость Пушкина” Гершензон приводит это определение, а также подчеркивает слово „живейшему”, добавляя: „Здесь весь смысл—в слове: ‘живейшему’; на нем ударение” (указ. соч., сс. 36-37).

После цитаты из пушкинского определения вдохновения в „Конспекте” добавлено: „т.е.—расположение к конкретному разуму, смыслу, темному для рассудка, в зарисовке конкретной материалов сознания, в прислушивании к ‘шепоту робкого дыхания’ (Демьян Бедный и Сталин)”.

19. „Конспект” читается: „Живейшее течение—течение *внеличного*, *объективного*, *коллективного* в личности поэта; личность всегда извне *оштамповывается* образом *ложной ясности*, картинкою *леса*, в котором ‘*тигр*’ спрятан; ‘личность’ поэта *внеличной* стороною его, его вдохновение всегда переживается *трупом*: [следует цитата из „Пророка”].

20. Я не нашел стихотворения Ивана Ивановича Доронина (1900-78), из которого Белый взял эти строчки, в доступных мне ранних его сборниках.

21. „[...] *умираем для жизни в классовом сознании, в отвлеченном ‘целе’;*” („Конспект”).

22. В „Конспекте” находим: „‘Я’ в Пушкине—*синтез времени*: ‘*теза*’—форма его творчества; разрыв личности—*антитеза*: дело

поэта без слов; синтез—‘слово и дело’. В тезе Пушкин дает—‘лес’; в синтезе—‘тигр’.

23. „Теза. Пушкин—завершитель огромного периода: разложим в нем; синтез прошлого есть лишь теза стоящего перед нами искомого Пушкина. В тезе—всецело разложим (‘Na’ + ‘Cl’ = поваренная соль)” („Конспект”).

24. „[...] и итог овладения западной формой явил нам дух русского языка: русский язык Пушкина ‘соль’ из ‘Na’ скифства + ‘Cl’ (дух европейского просвещения)” („Конспект”).

25. См. стих. „Наперстница волшебной старины” (1822), ст. 6-7: Являлась ты веселою старушкой, / И надо мной сидела в шушуне (II, 127).

26. „Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния” (1743), I, 6.

27. „Муза [Державина]—не Россия, [а] немка, Екатерина” („Конспект”).

28. Первая строка стих. „На рождение в севере порфирородного отрока” (1779).

29. См. „Водопад” (1791-94), I, 1 и 3.

30. „[...] метафора становится—звуковой: трудность анализа пушкинской формы” („Конспект”).

31. Белый имеет в виду детальные комментарии во втором томе („Поэмы, сказки, баллады, эпические песни”) *Сочинений Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики*. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы (М., 1887). Лернер цитирует их (по второму изданию 1892 г.) в своих примечаниях к „Сказке о попе и о работнике его Балде” (изд. Венгерова, т. VI, с. 418). Позднее Белый писал: „не были интересны его живые и трудолюбивые примечания к ученическому собранию сочинений Пушкина ‘для воспитанников’”; (*На рубеже двух столетий*, М.-Л., 1931, с. 261). Лернер (там же) цитирует „Разбор вопроса о подлинности окончания ‘Русалки’ Пушкина по записи Д. П. Зуева” Ф. Е. Корша (*Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук*, 1898, т. III, No. 3; 1899, т. IV, No. 1; т. IV, No. 2). См. также его „О русском народном стихосложении”. Академия Наук: *Сборник Отделения русского языка и словесности* 67 (1901), No. 8, сс. 1-121.

32. В сноске к статье „О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова” (1825) Пушкин писал: „Но удивительно, что Сумароков с большой точностью определил в одном полустииши истинное достоинство Ломоносова-поэта: *Он наших стран Малгерб*” (VII, 29).

33. XVIII, 3-4, „Домик в Коломне” в изд. Венгерова, т. III (1909), с. 93; в современных изданиях приводится в разделе „Из ранних редакций” (IV, 530).

34. В заметке „О гекзаметрах Мерзлякова” находим: „Бар. Дельви́г виноват в этом только тем, что, не зная правил своего Критика, следовал примеру Гомера, Виргилия, Горация, Фосса, и правилам, изложенным Германом и другими Европейскими учеными” (изд. Венгерова, т. IV, 1910, с. 549-50, в разделе „Статьи, напечатанные в ‘Литературной Газете’ 1830 г.). Эта заметка в советские издания не входила (после Венгерова) и числится среди ошибочно приписанных Пушкину (см. К. П. Богаевская, *Пушкин в печати за сто лет (1837-1937)*, М., 1938, сс. 170-72).

35. И в изд. Венгерова и в совр. изданиях приводится в заметке „Отрывки из писем, мысли и замечания” (VII, 57).

36. Приводится теперь в „Дневниках”, „Мои мысли о Шаховском”, 1815 (VIII, 16).

37. Приводится теперь в „Возражении на статьи Кюхельбекера в ‘Мнемозине’”: „Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого” (VII, 42). В изд. Венгерова, т. IV, с. 477, в „О вдохновении и восторге”.

38. „Между тем как эсфетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшедя” [у Белого в рук. „Готфрида”]—в совр. изд. начало статьи „О народной драме и драме ‘Марфа Посадница’” (VII, 211). В изд. Венгерова в статье „О драме”, т. V, 1911, с. 12.

39. „Но Малгерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в борении с механизмом и усовершенствовании стиха...” („О ничтожестве литературы русской”, 1834; VII, с. 310).

40. VII, 2, „Домик в Коломне” в изд. Венгерова, т. III, с. 92; в совр. изд. строфа приводится в разделе „Из ранних редакций” (IV, 526).

41. „О гекзаметрах Мерзлякова”—см. примеч. No. 34; „Замечания на Песнь о Полку Игореве” (изд. Венгерова, т. V, сс. 289-91) теперь печатается как „Песнь о Полку Игореве”.

42. В совр. изд. пушкинские рассуждения об идиллиях Дельвига приводятся в заметке „Отрывки из писем, мысли и замечания” (VII, 63). В изд. Венгерова, т. V, с. 36, в „О Дельвиге”.

43. Белый сильно искажает следующее из „Мелких заметок грамматического характера”: „Прозой пишу я гораздо неправильнее (чем стихами), а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г***” (изд.

Венгерова, т. V, с. 9). В совр. изд. эта цитата приводится в „Опровержении на критики” как: „Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г.** (VII,174).

44. VII,7-8, „Домик в Коломне” в изд. Венгерова, т. III, с. 92; в совр. изд. приводится в отделе „Из ранних редакций” (IV,527).

45. Цитаты и полуцитаты из статьи „Пушкин и декабрьское движение” Александра Слонимского (изд. Венгерова, т. II, сс. 503-28) лежат в основе этого „палимпсеста” Белого: „Отец был типичный вольтерианец XVIII века. [...] Еще дома он успел напитаться духом Вольтера; тогда же познакомился он и с Руссо. [...] в программе [Лицея] важное место занимали науки нравственно-политические: этика, философия права и политическая экономия. Преподавателем этих наук был молодой профессор Куницын, [с. 503] [...] Лицейский курс естественного права, изданный Куницыным в 1818 и 1820 г. [...] горячий манифест в защиту прав человека и гражданина [...] По словам Пущина, Пушкин охотнее всего занимался у Куницына [с. 504] [...] Некоторое влияние на Пушкина имел и ‘добрый’ Галич [...] свободный мыслитель [с. 505] [...] Лицей справедливо считался рассадником вольнодумства. [...] В 1826 г. была представлена по начальству целая записка о злобредности ‘Лицейского духа’ [с. 506; там же и о гусарском полке, о Н. Раевском, Чаадаеве] [...] Кончая курс, Пушкин был уже проникнут декабристским либерализмом [...] Русские порядки заставляют его почти ненавидеть свое отечество [...]” [с. 508; Слонимский приводит такую же цитату из стих. „Краев чужих...”, I, 319].

46. „У него даже мелькает мысль о царевбийстве, как он сам свидетельствует в черновике письма к Александру I в 1825 г.”—там же, с. 515.

47. „В апреле 1821 г. в Кишинев приезжал Пестель [...] *На Пушкина он произвел сильное впечатление*” [там же, с. 519; курсив мой]. „В Кишиневе имелись агенты [...] В одном донесении 1821 г. описывается, как [...] Пушкин ‘ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство (т.е. корпусное), но даже и правительство’” [с. 516].

48. „Наконец, в 1823 г.—вскоре после переселения в Одессу—мы видим уже полное разочарование. [...] Паситесь, мирные народы, / Вас не пробудит чести клич!” [там же, с. 520].

49. Белый имеет в виду статьи Слонимского, Лернера и Водовозова, цитированные выше в этих примечаниях; см. также „Пушкин как историк” Н. Фирсова: „[...] но в общем Пушкин был уже очень умеренный либерал в области политики” (изд. Венгерова, т. VI, сс. 250-51); и статья „Евгений Онегин” Иванова-Разумника (т. III, сс. 205-34).

50. В изд. Венгерова, т. IV, с. 477, пушкинское определение воспроизводится точно так и в заметке, названной „О вдохновении и восторге”, и в заметке „Отрывки из писем, мысли и замечания”, с. 502. В совр. изд. это определение приводится только в „Отрывках...”, а вариант его печатается в „Возражении на статьи Кюхельбекера в 'Мнемозине'” (VII, с. 41).

51. II, 1 стих. „О чем ты воешь, ветр ночной?” Тютчева.

52. Первая строфа „Последней смерти” (1828).

53. „О назначении поэта”, А.А. Блок, *Собр. соч. в 8 тт.*, М.-Л., 1962, т. 6, с. 163.

54. „Конспект” читается: „[...] неорганизованный коллектив—'чёрнь' всех классов; организованный—'народ', 'человечество’”.

55. „Пустыня мрачная тоже составная часть вдохновения, усилия расширяться до коллектива и прочесть 'смысл' телеграмм для руководства в 'деле': путь от поэта к пророку есть углубление поэта, есть начало трагедии творчества в нем. Трагедией творчества начинается антитеза [...]

Теза: Пушкин, как эхо (‘Таков и ты поэт’); синтез ‘пророк’: ‘слово и дело’, ‘глаголом жгущ’.

Антитеза—умирание слова, молчание, разложение личности;” („Конспект”).

56. „Конспект” читается: „Разверзается огромное молчание: 'Ах!' (сказать об Ах). Тут—Пушкин косноязычней Толстого”.

57. „В тетрадах сохранилось несколько рисунков: вал, крепость, пять виселиц с телами—и сбоку задумчивые надписи: *и я бы мог... и я бы мог, как тут на...*, потом: видел во сне...”—Слонимский, указ. соч., с. 528; на с. 527 указ. соч. воспроизводится репродукция: „Лист 38-й пушкинской тетради То. 2368 (Декабристы на виселице).” См. также вслед за статьей Слонимского „По поводу рисунка Пушкина на листе 38 тетради No. 2368” С. Венгерова, сс. 529-30, где запись опять приводится как „И я бы мог, как тут на...”. Как позднее было уточнено, запись под рисунком с изображением казненных декабристов читается: „И я бы мог, как шут”.

58. В совр. изд. приводится как „Отрывок 1826-го года” в таком виде: Восстань, восстань, пророк России, / В позорны ризы облекись, / Иди, и с вервием на вые / К убийце гнусному явись (II, 355). Белый контаминирует два „варианта” так называемого „первоначального окончания” „Пророка”, приводимые в примечаниях Н. О. Лернера к „Пророку” в изд. Венгерова, т. IV, с. I.

59. См. последнюю строчку из „Во глубине сибирских руд” (1827): И братья меч вам отдадут (III,7).

60. Замена общепринятого „тебя” на „меня” в IV,6—здесь явно намеренна у Белого.

61. Источник не установлен. Ср. „1834. Февраля начало. А. Н. Вульф виделся в Петербурге с Пушкиным, негодовавшим на свое камер-юнкерство и говорившим, что ‘возвращается к оппозиции’.” Н. О. Лернер, *Труды и дни Пушкина*, второе изд. (СПб., 1910), с. 300.

62. Достоевский, указ. соч., с. 137.

63. Там же, с. 138.

64. Статья „Народ и интеллигенция”, написанная в 1908 г., впервые в ж. *Золотое Руно*, 1909/1, под названием „Россия и интеллигенция”.

65. „Безвременье. I. Очаг”, А. А. Блок, указ. собр. соч., т. 5, с. 70.

66. Там же, с. 72 и 74.

67. „Конспект” читается: „Воскресает лозунг: *вперед* от Пушкина к Пушкину; от трупа к восстающему *пророку*”.

68. „...сознание еще слишком надолго”—Дневник писателя. 1877. Февраль. Глава первая. I. Самозванные пророки и хромые бочары (Достоевский, указ. собр. соч., т. 25, 1983, с. 39).

69. Там же, с. 40.

70. „Пушкин первый объявил, что русский человек *не раб* и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов [...] вот тезис Пушкина”—Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. II. Пушкин, Лермонтов и Некрасов (Достоевский, т. 26, с. 115).

71. Там же, с. 118.

72. „Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского...” —Дневник писателя. Август. Глава первая. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине (Достоевский, т. 26, с. 130).

73. „...обозначая гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций [...] Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим...” (там же, с. 131).

74. „И не надо, не надо возмущаться сказанным мною, ‘что нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру’” (там же, с. 131).

75. „Напротив, в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, все гражданское основание всех европейских наций—все

подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков, а взамен наступит нечто неслыханно новое, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения..." (там же, с. 132).

76. Ср. из „пушкинской речи” Достоевского: „В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду*, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления” (там же, с. 144).

77. „Загадал...” — см. примеч. No. 16. „Конспект” читается: „Пушкин, всецело русский и всецело человек — *носил это зерно под коростом трупного омертвения*”.

78. См. примеч. No. 2.

79. См. примеч. No. 16.

80. „Конспект” читается: „Форма — тетива, натянутая стрелой застывшего дела; как нигде он *‘форму вздернул на дыбы’*. Пушкинское содержание — стрела, пронизавшая XIX век и пронизавшая нас, — сквозь нас летящая в будущее”.

81. В „Конспекте” Белый добавил: „И вот когда наступит этого загаданного раскрытие, тогда мы окончательно увидим по новому Пушкина, тогда-то и загадка, загаданная нам Пушкиным, будет вполне внятно разгадана. Пока мы обречены на косноязычие. Я кончил”.

Публикация Джона Малмстада